Морфо

Автор:
Амелия Грэмм

Морфо

Амелия Грэмм

Young Adult. Книжный бунт. ФантастикаХроники Инферсити #1

Говорят, что нет ничего хуже смерти. Флинн тоже так думал, пока не умер.

Теперь он – один из обитателей бесконечного города призраков, полного тайн и опасностей. Чтобы выбраться и исправить ошибки прошлого, Флинну нужно пройти испытания: океан Гнева ждет его, болото Безысходности жаждет поглотить, а коридор Прощения не отпустит никогда.

А еще этот город хранит множество секретов, которые мечтают вырваться наружу. Но у Флинна тоже есть тайна, и больше всего на свете он боится, что кто-нибудь о ней узнает…

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Амелия Грэмм

Морфо

1. Воды Былого

Придя в себя, Флинн понял, что влип. Конкретно так влип. Он лежал в небольшой лодке посреди моря и не мог пошевелиться: руки и ноги были крепко связаны. Флинн хотел поднять голову, но не вышло: от боли она превратилась в гирю. В глазах потемнело, мерзкий ком подкатил к горлу, стало трудно дышать. И дернул же черт связаться с этими подонками! Теперь придется расхлебывать по полной. Целое море в его распоряжении!

– Давай быстрее, у нас мало времени, – раздался чей-то холодный голос.

Страх разъедал изнутри, тело почти не слушалось, но Флинн все же смог найти силы и приподнялся. На носу лодки сидел наемный убийца, в этом не было сомнений. Настоящий профессионал, не какой-нибудь тупой громила. Да уж, мистер Баедд раскошелился. Таких нанимают разве что для устранения высокопоставленных лиц; один точный выстрел – и дело сделано.

Мужчина был одет просто, но элегантно: черное двубортное пальто, дорогие туфли, брюки со стрелками. Руки, скрытые кожаными перчатками, покоились на коленях. Лицо его словно было высечено умелым скульптором: прямой нос, острые скулы, волевой подбородок. Черные волосы идеально уложены – воплощение безупречности. Но больше всего поражали глаза незнакомца – абсолютно пустые.

– У меня нет того… того, что вы ищете, – с запинкой проговорил Флинн, облизав пересохшие губы. – Мистер Баедд зря потратил деньги.

Мужчина медленно сцепил руки в замок, не проронив ни слова. Двигался он странно, немного неестественно. Флинн с трудом поднялся и сел, подтянув к себе ноги.

– Я не знаю, где конверт. Я его потерял, когда меня преследовали, – полушепотом продолжил он.

Флинн понимал, что нет смысла врать, оправдываться, умолять, ведь сейчас его все равно убьют. Мистер Баедд не прощал ошибок.

– Я тут не из-за мистера Баедда, – ледяным тоном сказал мужчина.

А вот такого поворота Флинн никак не ожидал.

– Выкуп за меня вы не получите, у моей семьи нет денег, – признался он.

– Деньги меня не интересуют.

«Мои органы ему тоже без надобности, иначе бы я и не проснулся, но тогда… Черт!» – подумал Флинн, и внутри у него все оборвалось. Оставался самый страшный вариант из всех возможных – перед ним маньяк. А это означало только одно: смерть будет долгой и мучительной.

Флинн лихорадочно искал пути спасения. Если он выпрыгнет из лодки, то все равно утонет, руки-то связаны.

– Я не маньяк. И не советую прыгать за борт. Вода тебе уже не страшна, а вот то, что обитает в ней, – представляет угрозу, – ровным голосом произнес мужчина.

Флинн от удивления открыл рот. Чертовщина какая-то. Неужто этот тип умеет читать мысли? Нет, это невозможно! Скорее догадался, ведь все жертвы думают одинаково.

– Тогда зачем вы похитили меня?

– Я не похищал.

Флинн только сейчас понял, что мужчина разговаривал совсем без интонаций. Ровным, бесцветным голосом, без намека на какие-либо эмоции. Не человек, а машина с железным сердцем.

– А кто же тогда меня связал? – спросил Флинн.

– Уж точно не я, – ответил мужчина, смахивая со своего плеча невидимые пылинки. – Повторяю: у нас мало времени. Соображай быстрее.

– Что я должен сообразить?! – Флинн дернулся всем телом, пытаясь ослабить веревки, но тщетно: тот, кто его связал, знал свое дело. – Если не вы меня похитили, то помогите освободиться. Развяжите!

Но незнакомец не отреагировал, по-прежнему сохраняя невозмутимое спокойствие.

– Даже если бы захотел, не смог бы. Пока не поймешь, не освободишься. Ты лучше осмотрись.

Громко дыша от нахлынувшего раздражения, Флинн все же огляделся. Безмятежное свинцовое море, густая белая мгла и пугающая тишина: ни крика вечно голодных чаек, ни единого всплеска воды. Мертвый штиль.

– Я не знаю, какую игру вы затеяли, но участвовать в ней я не желаю, – сказал Флинн, собрав остатки храбрости.

Незнакомец вселял в него необъяснимый ужас, хотя Флинн никогда не считал себя трусом. Он был одним из самых бесстрашных в своей банде и самым безрассудным. За это, видимо, и поплатился.

– Давайте так: вы меня развяжете, мы доплывем до берега и разойдемся, – предложил Флинн, но мужчина промолчал. – Понял, договариваться бесполезно…

Из-за всей этой сырости Флинна пробил озноб. Как же он сейчас мечтал оказаться у себя дома, рухнуть на кровать, укрыться пледом и заснуть, забыв обо всем на свете. О мистере Баедде, об этом пугающем незнакомце, о потерянном конверте, о своей дрянной жизни. Как только эта мысль посетила его голову, он увидел нечто, плывущее по воде.

– Что за?.. – не договорил Флинн.

Это был его плед. Он узнал все неотстирываемые пятна и дырку, которую никак не мог зашить, все руки не доходили. Туман стал реже, и Флинн увидел другие вещи. Вот проплыл школьный дневник с кучей двоек, а вот альбом для фотографий с надписью «Мои счастливые моменты» (совершенно пустой). Где-то вдалеке дрейфовало пианино, на котором в детстве его учила играть мать. Она так надеялась, что ее сын станет великим пианистом, но у Флинна не было ни слуха, ни желания исполнять чужие мечты. Деревянный меч, подаренный отцом, ошейник его пса по кличке Ферни, коллекция карточек с мотоциклами,

пластинки любимых музыкальных групп, кеды, в которых он выиграл свое первое школьное соревнование по бегу, перочинный нож, полученный на день рождения от лучшего друга, – здесь была вся его жизнь. Прямо-таки барахолка воспоминаний.

– Как тут оказались мои вещи? – с трудом выговорил Флинн: воздух застыл в легких.

– Их принес сюда ты, – ответил мужчина, небрежно окинув взглядом плавающие предметы. – Все это – твое прошлое. И только от тебя зависит, пойдешь ли ты дальше или навеки останешься здесь.

Флинн подумал, что нести полную чушь с таким умным видом могут разве что сумасшедшие, и тут картинка сложилась: перед ним сидел не маньяк, не наемный убийца, а самый настоящий псих. Легче от этого не стало, но появилась хоть какая-то ясность. С умалишенными ему еще не приходилось сталкиваться, поэтому он не знал, чего ждать и как себя вести.

Взгляд Флинна невольно заскользил по морской глади. Перочинный нож подплыл к лодке и теперь глухо бился о деревянный борт, точно кто-то стучал в дверь.

«Странно, почему нож не тонет? Он же из металла, – вяло размышлял Флинн. – Жаль, не дотянуться».

– Ножом эти веревки не разрезать. Я уже говорил, что тебе нужно просто понять, – сообщил мужчина.

– Да что же я должен понять? Я не знаю, где я, не знаю, кто вы, не знаю, зачем вам нужен! – вспылил Флинн, но тут же остудил гнев. Он не должен ему поддаваться.

– Неправда, ты знаешь, кто я, – возразил мужчина. – В глубине души ты знаешь.

– Поверьте – нет! Я вижу вас впервые!

– Хорошо, я дам тебе подсказку, – сказал мужчина. – Слушай внимательно: я тот, кто приходит ко всем и ко всему, я один, но для каждого я разный. Все боится времени, а время боится меня, ведь оно закончится, если я приду. Кто я?

Флинн терпеть не мог головоломки, ему казалось, что их выдумывают всякие умники, чтобы поиздеваться над глупыми, но все же призадумался. У всего на свете есть время. Оно тянется, начиная с рождения, и обрывается, когда приходит… Догадка раскаленной иглой пронзила голову.

– Смерть, – выдохнул он.

Веревки запылали ярким пламенем и в одно мгновение превратились в пепел. Флинн коротко вскрикнул от неожиданности.

– Правда освобождает, не так ли? – Мужчина сдержанно похлопал в ладоши. – Меня зовут Танат, – представился он. – Ты прав, я – твоя Смерть.

– То есть вы меня все же убьете? – обреченно спросил Флинн.

– Нет. – Танат покачал головой. – Ведь ты уже мертв. Я твоя Смерть, а не твой убийца.

Флинн больше ни на минуту не сомневался, что этот странный тип сбежал из психушки. Наверное, он долго следил за ним, как-то усыпил, взял ключи от дома, забрал некоторые вещи, скинул их в море, а теперь разыгрывал эту нелепую сцену. Все было ясно как день, правда, фокус с веревками вызывал много вопросов. Возможно, они были пропитаны какой-то самовоспламеняющейся жидкостью; единственное, что Флинн никак не мог понять, почему на руках не осталось ожогов.

– Ладно, – сказал Флинн, разминая запястья. Он решил подыграть. Вдруг появится шанс спасти свою шкуру? – Вы говорите, что я умер, но мертвым я себя не ощущаю. Я испытываю боль, голод, жажду, я чувствую запахи. – Он глубоко вдохнул. Пахло сыростью и рыбой. – Вряд ли такая роскошь доступна мертвецам.

– Ты умер недавно, это лишь отголоски жизни.

– Но прямо сейчас проверить это я не могу. – Флинн пожал плечами. – Вам все же придется меня убедить.

– Ты хочешь доказательств? – безразлично спросил Танат.

– Любой здравомыслящий человек захотел бы.

– Хорошо, я докажу, но ты пожалеешь об этом. – Танат нагнулся. – Посмотри мне в глаза, – приказал он, и Флинн послушался, а после действительно горько пожалел.

Мир пропал. Исчез. Хотя нет, это Флинн исчез: упал в черные глаза самой Смерти. Он целую вечность летел во мраке и одиночестве, забыв собственное имя. Когда же из памяти стерлось последнее воспоминание, он растворился в этой бесконечной тьме, став с ней единым целым. Став ничем.

Тьма выбросила Флинна обратно. Он снова находился в лодке посреди туманного моря и кричал. Долго и пронзительно. Новообретенный мир казался ему чужим и пугающим, как будто после падения в бездну для Флинна в нем уже не было места.

– Нет, этого не может быть, – придя в себя, быстро зашептал он. Его взгляд лихорадочно бегал и никак не мог за что-то зацепиться: все кружилось перед глазами.

– Но это так, – ответил Танат. – И в глубине души ты знаешь, что это правда, иначе бы твои оковы не пали.

– Но я не помню, как умер! – Флинн почувствовал себя вывернутым наизнанку.

– Сначала никто не помнит. Настанет время – и ты узнаешь.

– Нет, нет, нет! Это все не по-настоящему, это сон, – убеждал себя Флинн, похлопывая по щекам. – Это кошмар, сейчас я проснусь! – Он начал щипать свои руки, но боль была слишком реальной. Надежда, что это всего лишь дурной сон, разбилась вдребезги, осколки уже не собрать.

– Смерть чем-то похожа на сон. На очень длинный сон, – произнес Танат. – Только вот проснуться ты уже не сможешь, как ни старайся.

– Я не мог умереть! Не мог! – завыл Флинн, раскачиваясь из стороны в сторону. – Мне ведь и семнадцати нет. Я ничего не успел. Почему я? Нет, нет, это все неправда! – Он закрыл лицо ладонями, горячие слезы рвались наружу. Нет, плакать нельзя. – Домой, я так хочу домой…

– Ты не сможешь вернуться. Это невозможно. Теперь у тебя только два пути: идти вперед или остаться здесь. Выбирай.

– Вперед? – Флинн резко поднял голову. Его сердце забилось чаще, в сознании замелькал калейдоскоп мыслей. – И что меня ждет впереди? – Голос предательски задрожал.

– Узнаешь, если осмелишься, – сказал Танат, пристально посмотрев на него. – Будущее зависит от человека, что создашь – то и будет.

Флинну показалось, что на лице Таната вот-вот появится усмешка, но нет. Его губы оставались идеально ровными. Одновременно с этим Флинн почувствовал, как кто-то проткнул шарик страха и гнева, распиравший грудь изнутри. Лишние эмоции испарились, стало легче и спокойнее. Он был уверен, что без Таната тут не обошлось.

– А что насчет прошлого? Ведь за него, – Флинн замялся, – наверняка придется расплатиться.

– Да, придется, – кивнул Танат. – Человек после смерти должен вынести некий урок, иначе жизнь была прожита зря.

– То есть меня ждет что-то вроде исправительного лагеря? – предположил Флинн.

– Можно и так сказать, но выбор по-прежнему за тобой: до конца мира скитаться среди руин прошлого или заново построить свое будущее. Предупреждаю: строить всегда сложнее. Будет непросто, очень непросто. Решай, время на исходе. – Танат скрестил руки на груди.

– Да уж, выбора практически и нет, – рассеянно сказал Флинн.

– Он есть всегда, но порой нам сложно принять последствия того или иного выбора. – Танат достал из кармана пальто часы и открыл золотую крышку, на которой был выгравирован знак бесконечности. – Хватит транжирить время, оно все же не безгранично, хоть само и уверено в обратном. Еще минута – и я исчезну.

Флинн с печальным вздохом посмотрел на море. Столько хлама, а ведь когда-то многое из этого он считал настоящим сокровищем. Теперь-то он четко осознавал, что в мире живых есть только одно сокровище – время. И хорошо бы воспользоваться им верно. Флинн так и не смог.

– Ну же, решай, – поторопил его Танат, не отрывая глаз от часов. Он протянул руку.

Флинн посмотрел на ладонь в черной кожаной перчатке. Самое ценное он уже потерял – свою жизнь, – так что терять ему больше нечего.

– Я согласен идти дальше, – твердо произнес он, пожав руку Танату.

Часы издали оглушительный звон, будто внутри них проснулся колокол.

– Что происходит?

– Время пришло, – сказал Танат, убирая часы обратно в карман. – Приготовься.

– К чему? – спросил Флинн и чуть не упал за борт: лодку сильно качнуло.

– К первому испытанию.

2. Демон Прошлого

Туман частично рассеялся, а по воде пошла мелкая рябь, быстро перерастающая в волны. Море волновалось, Флинн тоже.

– Найди какое-нибудь оружие и будь готов рубить головы. Наш гость уже близко, – предупредил Танат.

– Какое оружие? – опешил Флинн. – Тут только мои старые вещи!

Лодку вновь качнуло, на этот раз сильнее. Издалека приближался нарастающий рев – на них надвигалось что-то огромное, голодное и злое.

Не успел Флинн умереть, как его пытаются убить во второй раз. Интересно, есть ли смерть после смерти? Откинув глупые мысли, он еще раз посмотрел на вещи из своего прошлого. Перочинный нож острый, но маленький. Не подойдет. Разве что монстр, идущий за ним, будет размером с форель, но, судя по жуткому реву, эта рыбка покрупнее.

Взгляд Флинна зацепился за старый деревянный меч, подаренный отцом. Он нагнулся и выудил его из воды. Бесполезная деревяшка! Если бы только меч был настоящим.

– Раньше тебе это не мешало, – заметил Танат, вновь читая мысли. – Этот меч сразил немало чудищ.

– Только вот они были воображаемыми. Я тогда просто играл.

– И в чем разница? Все мироздание – это одна большая игра, подчиняющаяся своим правилам. Конкретно это место, – Танат обвел руками пространство, – принадлежит тебе. Это твои воды Былого. Это твоя игра, и здесь будут действовать правила, которые придумаешь ты. Захочешь – и все станет реальностью, а захочешь – и все обратится в прах.

«Моя игра по моим правилам, значит?» – размышлял Флинн, рассматривая деревянный меч.

Краска на рукояти давно облезла, а само «лезвие» было нещадно искусано его псом. Как же с такой рухлядью идти на монстра? Нужно что-то новое и острое.

Только Флинн успел подумать об этом, как игрушечный меч, с которым он, издавая боевой клич, весело бегал по улицам, тут же превратился в настоящий.

На море поднялись высокие волны. Они все сильнее качали лодку, как будто мать пыталась убаюкать расплакавшегося ребенка. Рык невидимого зверя оглушил – он близко. Флинн поднял меч и приготовился к бою.

– Почти тут. – Танат достал карманные часы, посмотрел на время и спрятал обратно. – Секунда в секунду. Наш гость сама пунктуальность, – сказал он и каким-то чудесным образом встал на нос лодки, не перевернув ее. – Я отсюда понаблюдаю. Не хочу испачкаться в крови, она плохо отстирывается.

– Так с кем же я буду бороться? – тяжело дыша от волнения, спросил Флинн.

– С демоном Прошлого.

Море успокоилось, а Флинн напрягся: мышцы превратились в сталь, дыхание замерло, сердце пропустило несколько ударов. В воздухе разлился кисловатый запах. Он ждал, что сейчас из тумана появится демон, но вместо него увидел свою мать. Лучше бы это был демон.

Она шла босиком по воде, как по обычной дороге. Подол ее белой длинной рубахи намок и потяжелел, но это не делало шаг матери тяжелым, наоборот, она словно плыла. Такая нереальная, похожая на фантом. Ее длинные светлые волосы слегка шевелились, а бледная кожа чуть заметно сияла. Или это только казалось?

– Мой мальчик, вот ты где. А я везде тебя ищу, – отстраненно произнесла мать, подойдя к Флинну вплотную. – Я так боялась, что потеряла тебя. Не прячься больше от меня, я же волновалась, – неожиданно строго сказала она и нахмурила брови.

– Мама? – все еще не веря своим глазам, прошептал Флинн. – Это действительно ты? Но как? Ты тоже умерла? – Он опустил меч.

– Умерла? – переспросила мать. На ее лице отразилось недоумение. – Что ты такое говоришь? Не выдумывай! Я приготовила ужин, а потом все ждала и

ждала, но ты так и не пришел. Я очень долго искала тебя – и наконец нашла. Пойдем домой. Или ты опять хочешь сбежать? – Голос матери зазвенел от гнева, а в глазах сверкнул нехороший огонек.

– Что? Как? Почему? Нет! – Мысли Флинна разбегались в разные стороны. – Я не сбежал, мама! Я умер!

– Глупый. – Мать вдруг рассмеялась, но не обычным смехом, а каким-то лающим, с хрипотцой, будто старый пес задыхался. – Что значит «умер»? Я же с тобой разговариваю. Смотри, я пришла не одна.

Из тумана начали появляться люди с блаженными улыбками: все одеты в белое, всех он когда-то знал. Толстяк Корки, с которым Флинн дружил в детстве, пока их пути не разошлись. Он ему попросту надоел. Таких навязчивых еще поискать надо, а Флинн всегда ценил личное пространство. Темноволосая красотка Лейда – та еще штучка. Ее соблазнительная родинка над верхней губой вскружила голову многим парням. Они пару раз пересекались на вечеринках, флиртовали, но до дела так и не дошло. Почему? Флинн и сам не знал. Рябой Доггид – парень из его банды, тот еще проходимец. Если бы ему предложили выгодную сделку, он бы и вставную челюсть родной бабушки продал прямо вместе с ней. Столько знакомых лиц и ни одного родного. Кислый запах стал еще навязчивее.

– Привет, Флинни! – весело крикнул Корки, и его пухлые щеки расплылись в стороны, освобождая место улыбке. – Слушай, давно не виделись. Давай с тобой сходим в магазин пластинок. Наша любимая группа «Вообрази гориллу» выпустила новый альбом, хочу купить. Уверен, мы классно проведем время!

– Флинн, а ты мне всегда нравился. – Жаркое дыхание Лейды обожгло его шею. – Я не буду против, если ты пригласишь меня на свидание. Помнишь? Ты хотел повести меня в кино, но мы можем обойти этот пункт и сразу зависнуть у меня. – От одного ее чувственного голоса у Флинна все внутренности свернулись узлом.

– Эй, дружище! – подал голос Доггид. – Не бойся, я все разрулил с мистером Баеддом. Все схвачено! Можешь спокойно тащить свой зад обратно, тебя никто не тронет. Знал бы ты, чего мне это стоило! Вовек не расплатишься, уж поверь мне.

«Что здесь творится? Где демон, о котором говорил Танат?» – мысленно спрашивал себя Флинн, но ответа не находил.

– Мальчик мой, что с тобой? – спросила мать, взяв его за руку. – Ты не рад нас всех видеть?

Он хотел что-то сказать, но не смог: слова испуганными птицами вылетели из головы, оставив после себя молчание. Из глубины сознания поднялась первая внятная мысль: «Пора делать ноги».

Флинн почувствовал острую, ни с чем не сравнимую боль. Что-то вцепилось в него мертвой хваткой. Он опустил глаза. Вместо ногтей у матери были самые настоящие когти, как у хищника. Она впилась в его руку, загнав их глубоко под кожу.

– Я не позволю тебе вновь сбежать от меня, – сказала мать, и глаза ее превратились в две узкие щелки. – Ты мой, ты останешься со мной.

– Флинн, неужто ты хотел сбежать и от меня тоже? – обиженно протянула Лейда.

Она обняла его за шею и приблизилась, как если бы хотела поцеловать, но делать этого не стала. Девушка хитро улыбнулась, показав жемчужные зубы, и отстранилась, но руки с шеи не убрала. Ладони у нее стали холодными и влажными. Флинн испытал ту же боль, что и раньше: Лейда тоже впилась в него когтями. В этот раз он не сдержался и вскрикнул.

– Что вы делаете?! – заорал Флинн, широко распахнув глаза от ужаса.

– Мы хотим, чтобы ты остался с нами, – хором сказали призраки прошлого и одновременно вонзили в него ядовитые когти.

Десятки рук обхватили Флинна со всех сторон, заключив в живой кокон. Тело горело без огня, а его крик тонул в потоке голосов:

– Ты принадлежишь нам, ты не можешь уйти. Ты наш. Навеки наш. Не уходи, постой. Не бросай нас! Мы не сможем без тебя, а ты не сможешь без нас.

Внезапно призраки умолкли. Они сделали пару шагов назад, но это не освободило Флинна: когти остались в нем, от них к пальцам призраков тянулись сияющие нити. Он попался, угодив на сотни крюков своего прошлого.

– Теперь ты наш-ш-ш, – прошипела мать. – Наш-ш-ш мальч-ч-чик принадлеж-ж-жит только нам.

Флинн ощутил связь – мощную и несокрушимую. Ему казалось, что все эти люди привязали его к себе не тонкими нитями, а стальными тросами, которые никому не под силу порвать. И чем дольше он вот так стоял, привязанный к прошлому, тем больше убеждался, что все так и должно быть. Зачем ему куда-то идти, что-то делать? Зачем выходить в открытое море будущего? Ведь впереди сплошная неизвестность. В пути может начаться шторм, или же наоборот, не будет попутного ветра и паруса его жизни так и не надуются. Лучше уж остаться здесь, в гавани прошлого. Тут так безопасно, так привычно.

– Не поддавайся, – шепнул ему Танат.

Флинн обернулся. Он уже и забыл, что сзади него черными крыльями нависала его Смерть.

– Демоны не всегда выглядят как чудища. Они рождаются из людских слабостей и растут, питаясь страхами, – продолжил Танат, хладнокровно наблюдая за происходящим. – Борьба с демонами – это борьба с собой.

– Да, все так… Вы – ненастоящие, – обратился Флинн к толпе призраков. – Всего лишь мои воспоминания, осколки прошлого. Вы живы, а я – нет. У нас разные дороги.

– Ты так жесток, мой мальчик, так жесток, – запричитала мать, прислонив холодную и скользкую ладонь к его щеке. – Не говори таких слов, они больно ранят меня. Мы должны быть вместе. Навеки вместе. – Она улыбнулась, обнажив ряд острых зубов. Едкий кислый запах уже разъедал легкие.

Флинн покрепче сжал рукоять меча и сделал то, что должен был. Он высоко замахнулся, и лезвие сверкнуло возле матери. Сияющие нити упали в воду.

– Больно! – прокричал Флинн и согнулся пополам. Он будто отрезал часть себя.

– Рвать с прошлым всегда больно, – заметил Танат.

Мать с душераздирающим воплем и остекленевшим взглядом упала на колени. Она подобрала нити и прижала их к груди, а после все кричала и кричала, пока ее кожа не начала вздуваться и лопаться. Флинна чуть не вывернуло от этого зрелища. Следом закричали и другие призраки. Воздух задрожал, а море стало рождать волны.

И тут демон показал себя во всей красе: вместо человеческих лиц возникли бесчисленные головы громадного змея. Его белая чешуя призрачно светилась, а сотни белесых глаз устремились в одну точку – и этой точкой был Флинн. Чудище синхронно покачивало головами, точно гипнотизировало. Оно тихо шипело, напевая зловещую колыбельную, которая проникала в самые отдаленные закоулки души, вытягивая на свет потаенные желания.

Все головы змея в одно мгновение оказались рядом, окружив Флинна ужасающим куполом из глаз, острых клыков и подрагивающих раздвоенных языков.

– Мальч-ч-чик, как ты пос-с-смел с-с-совер- ш-ш-шить такую дерз-з-зос-с-сть, – прошипел демон сотнями голосов. – Ты не с-с-сможж-ж-жеш-ш-шь без-з-з нас-с-с, мы нуж-ж-жны тебе.

Белесые глаза расширились, и Флинн увидел в них свое прошлое. Как он играл с отцом в футбол, а в это время бабушка ждала их дома, приготовив целый поднос орехового печенья. Этот вкус не забыть никогда. Как хохотал до боли в животе, когда Ферни резвился в высокой траве. Розовая лента языка смешно прилипала к носу пса, стоило тому сделать очередной прыжок. Флинн видел то время, когда его мать еще не болела, а их семья была счастлива. Когда у него еще была семья…

Воспоминания мелькали перед ним, как дома и деревья мелькают в окне поезда. Вот они с Корки пошли на концерт любимой рок-группы «Вообрази гориллу». Флинн до глубокой ночи заслушивался их песнями, постоянно проигрывая пластинку, пока мать не начинала громко стучать в дверь, требуя тишины. Как же было здорово наконец-то услышать любимую музыку вживую и на полную

мощность! Уши закладывало, тело начинало двигаться само по себе, а сердце подхватывало знакомую мелодию и учащенно билось, повторяя ее ритм.

Вдруг Флинн перенесся в момент, когда впервые увидел Лейду. Вечеринка, она болтала с какой-то девчонкой и скучающе перебирала пряди своих волос. Он стоял поодаль и бессовестно пялился на ее красивые губы, глаза, тело. Тогда Флинна впервые липкими лапами коснулось совершенно незнакомое чувство: вожделение. В мыслях он позволил себе многое, очень многое, и даже не стыдился этих откровенных фантазий. Лейда поймала его жадный взгляд и ответила соблазнительной улыбкой. Фантазии стали еще бесстыднее.

Воспоминание о первом увлечении утекло куда-то во тьму, но тут же появилось новое: первый день в банде. Они с Доггидом убегали от полиции, пытаясь затеряться в недостроенном здании, но хруст бетонной крошки под ногами постоянно выдавал их. Найдя какую-то подсобку, загороженную стальными листами, они кое-как протиснулись внутрь и притаились. Полицейские потеряли след и теперь шли неторопливо, внимательно осматриваясь по сторонам. В подсобке было душно, воняло сыростью и ржавчиной. Доггид шепнул: «Замри». Бетонная крошка хрустнула под тяжелыми сапогами полицейского. Флинн перестал дышать. Казалось, что его сердце вот-вот начнет высекать искры, настолько бешено оно стучало о ребра. Яркий луч фонарика юркнул в щель между листами и резанул по глазам. Шаги начали отдаляться. Пронесло! От пережитой погони внутри Флинна взорвалась адреналиновая бомба, и, признаться, ему чертовски понравилось это чувство. Он подумал, что быть членом банды – очень круто. Знал бы тогда он свое будущее, сам бы себе врезал за такие мысли.

И это воспоминание смыло на дно памяти, и вместо него волной накатилось другое. Флинн совсем маленький. Его голова лежала на коленях матери, летнее солнце светило ярко, пробираясь под веки разноцветными бликами, теплый ветерок касался щеки. Пахло персиками: мать любила фруктовые духи. Она что-то напевала себе под нос и нежно гладила Флинна по волосам. Так спокойно и хорошо. Он нехотя разлепил веки и посмотрел на мать. Она улыбалась. Сердце окутало забытое тепло. Он так давно не видел ее улыбки. Когда же все изменилось? Когда его жизнь начала рассыпаться на части? И тут Флинн вспомнил другую сторону своего прошлого: и голодные времена, и одиночество. То время, когда буквально все катилось в тартарары, и часто он сам подливал горючее, ускоряя процесс: ушел из дома, связался с дурной компанией, стал заниматься мутными делами, мало заботясь о последствиях.

В белесых глазах Флинн много раз видел самого себя – светловолосого парня, которому не исполнилось и семнадцати. Бледная кожа, ярко-синие глаза, поджарый и гибкий. Внешне он был копией матери, и это ему не нравилось. Ему в себе не нравилось абсолютно все, в чем он был похож на нее. Вдруг в глазах змея промелькнул образ бабочки с синими крыльями. Флинн дернул плечами, прогоняя наваждение.

– Не-е-ет! – взревел он, замахнулся и слепо рубанул мечом.

Одна из голов отделилась от длинной шеи и с всплеском упала в воду. Остальные взвыли, почувствовав боль собрата. Флинна было уже не остановить. Он рубил направо и налево, отсекая все больше голов демона Прошлого, который и не думал сдаваться. То и дело в руки и плечи Флинна вонзались острые клыки, отравляя его ядом сомнения, но он боролся, боролся так отчаянно и смело, как никогда раньше. Нет, ему нельзя увязнуть здесь, вечно скитаясь в этих туманных водах, полных мнимого счастья. Он не хочет тлеть на останках своего прошлого.

Взмах. Поворот. Ниже! Еще одна голова полетела вниз. Выпад! Лезвие сверкало, отсекая болезненные связи. И каждый раз Флинн чувствовал, что собственное тело разрывается на части. Боль демона эхом отдавалась в нем, но это не остановило его. Еще чуть-чуть, осталась самая малость!

– Прошлое всегда будет частью моей жизни, но жить им вечно я не хочу! – прокричал Флинн, отрубив последнюю голову демона.

Она упала в лодку, окрасив ее белой кровью. Вещи, плававшие в водах Былого, одновременно пошли ко дну.

Флинн будто выдыхал огонь – так сильно полыхало в груди; пот градом катился по лицу, а мышцы казались раскаленной сталью. Дрожь волной прокатилась по телу. Он посмотрел на свои руки. От укусов и когтей не осталось и следа – даже легкой царапины. Воздух очистился от удушающего кислого запаха. Все кончилось.

– Браво, – похвалил Танат. – Ты отлично справился.

Выбросив меч за борт, Флинн устало рухнул на дно лодки.

– Я и не думал, что будет так сложно, – признался он, запрокидывая голову.

– Бороться с собой всегда нелегко, – сказал Танат и обернулся.

– И что дальше? – спросил Флинн, чувствуя полное опустошение: демон Прошлого выпил всю силу до капли.

– А дальше – надежда.

Где-то вдалеке зажегся маяк. Лодка с рывком понеслась вперед, словно кто-то потянул за невидимую веревку, привязанную к носу.

Флинн неподвижно сидел и думал о том, как же резко изменилась его судьба: буквально вчера весь мир принадлежал ему, все дороги только и ждали, когда он пройдет по ним. Но это было вчера. Сейчас же он плыл навстречу неизвестности, пытаясь отыскать в сердце хоть маленькую надежду.

3. На другой стороне

Туман ушел куда-то за горизонт. Тьма распространилась так быстро, что Флинн даже не успел удивиться. Он почувствовал себя слепым: в глаза точно чернил залили. Ему показалось, что их с Танатом выбросило куда-то к Плутону, туда, где есть только холод, мрак и одиночество. И лишь крохотный огонек маяка сиял для них подобно далекому Солнцу. Далекому и безразличному.

Флинн поежился от гнетущих мыслей, забивших голову, но тут же отвлекся: вдоль бортов зажглись вереницы продолговатых фонарей. Лодка будто надела сияющую юбку. Вместе со светом пришла и крохотная надежда. Она зацепилась за ребра и начала расти, окутывая сердце теплым коконом.

Маленькая белая лодка быстро рассекала чернильные воды, но маяк никак не желал приближаться. Флинну подумалось, что это какая-то игра: только они подплывали ближе, как тот отдалялся. Танат тоже это заметил. Он встал на нос лодки, достал из кармана подзорную трубу и посмотрел в нее.

– Прекрати бояться, – сказал Танат. – Твой страх не дает подплыть к маяку.

– Легко сказать, – мрачно отозвался Флинн. – Я все еще смутно представляю, что меня ждет впереди.

– Тебе дадут шанс все исправить.

– А что будет, если у меня не получится? – Голос Флинна дрогнул.

– Все люди одинаковые. – Танат покачал головой. – Вы предпочтете плавать в своем ужасном прошлом, боясь открыться чему-то новому, даже не зная, каким оно будет.

– Но я ведь уже отбросил прошлое. Что еще надо? – спросил Флинн, насупившись.

Танат сложил подзорную трубу и сел на место.

– Ты завис между «было» и «будет». Откройся будущему, иначе до скончания времен будешь плыть в этой тьме: видя цель, но не достигая ее.

Флинн посмотрел на свои ладони. При жизни он сделал много ошибок и за все был готов ответить. Ему дают шанс. Он должен, обязан им воспользоваться, иначе все жертвы были напрасны, иначе…

«Бульк», – послышалось откуда-то снизу. «Бульк, бульк!» – снова раздался всплеск.

Из-под лодки выплыли светящиеся рыбы. Они весело били хвостами о борт и выпрыгивали из воды, делая в воздухе сальто, точно на представлении. Одна из рыбешек, расправив огромные плавники, больше похожие на крылья, с интересом уставилась на Флинна, а после выпустила изо рта струю воды прямо ему в лицо.

– Вот же мелкая дрянь! – выругался он.

Рыба издала странный звук, напоминавший сдавленный смех, вильнула хвостом и скрылась в глубине.

– Мы наконец-то покинули воды твоей жизни, – сказал Танат, вновь доставая из кармана подзорную трубу. Он раскрыл ее и протянул Флинну. – Взгляни.

Флинн рассерженно вытер мокрое лицо и посмотрел в трубу. Его взору открылись маяк, пристань, куда прибывали сотни белых лодок – почему-то пустых, – а еще город, сверкавший сотнями огней, – не иначе звезды прилегли на берег отдохнуть.

Небосвод ожил: по черному полотну фиолетовыми и оранжевыми пятнами растеклись туманности, белыми брызгами разлетелись незнакомые созвездия. Одновременно взошло несколько лун: рогатых и полных, золотистых и серебряных. Небо постоянно менялось, словно не могло решить, в каком же наряде ему лучше.

Из-под черной глади показывались все новые и новые морские обитатели. Они радужной рекой текли под водой, то и дело меняя направление. Их полупрозрачные тела, сияющие всевозможными цветами, слепили глаза, но Флинн не зажмурился. До этого момента он был слеп и ничего, кроме света далекого маяка, не видел. А теперь мир проявлялся, как проявляется фотография, – постепенно вырисовывая новые и новые линии, становясь ярче и четче. Он хотел вдоволь насладиться этим потрясающим зрелищем. Счастье и восторг заполнили его от макушки до пят.

– Что происходит? – пораженно спросил Флинн. – Что с этим местом? Почему оно так изменилось?

– Ты открылся своему будущему, а оно открылось тебе, – ответил Танат. – Потусторонье впускает в себя только тех, кто действительно готов идти дальше.

– Потусторонье? – переспросил Флинн, про себя отметив, что лодка замедлила ход.

– Да, – сказал Танат. – Так называется мир, который находится за порогом жизни. По ту сторону бытия.

Они остановились, дальше не проплыть. От берега их отделяли десятки пустых лодок.

– Как же мы доберемся до пристани? – растерялся Флинн. – Может, стоит подплыть с другой стороны?

– Иногда стоит, – согласился Танат, – а иногда нужно идти напролом.

Мужчина встал, поправил ворот пальто и с легкостью перешагнул в другую лодку. Флинн проделал то же самое, но вышло у него крайне неуклюже. Хоть лодки оказались довольно устойчивыми, грациозностью он никогда не отличался.

– Тебе помочь? – предложил Танат, глядя на его старания.

– Спасибо, не надо. Вы для меня и так много чего сделали. Например, помогли умереть, – с горькой усмешкой проронил Флинн.

– Повторяю: я твоя Смерть, а не твой убийца, – сказал Танат. – Не стоит винить меня во всех неприятностях. Я лишь итог, черта между одним и другим. Я пришел ровно тогда, когда закончилось твое старое время и началось новое.

– Ладно, ладно, никаких претензий, – ответил Флинн, подняв руки, и перепрыгнул в следующую лодку.

Ему показалось, что они играют в потустороннюю разновидность классиков. Эта мысль развеселила его.

– А почему вы такой м-м-м… бесчувственный? – продолжил Флинн. – Вы за все время ни разу не улыбнулись, не рассердились.

– Смерть не должна иметь чувств, – отрезал Танат.

– Почему? Что в этом плохого?

– А что хорошего?

– Ну… вы бы могли быть более справедливым, если бы испытывали эмоции, – предположил Флинн.

– Это люди должны думать о справедливости. – Танат резко остановился. – Смерть забирает всех, не делая различий: богатых и бедных, больных и здоровых, молодых и старых. Я – исход определенных событий, но эти события мне неподвластны. Я могу только наблюдать и ждать. Если бы Смерть могла чувствовать, то она бы сгорела, так и не выполнив свое предназначение. Теперь ты понимаешь?

Флинн ответил молчанием, слова в который раз ускользнули от него. Да и как он мог спорить со Смертью?

Танат прыгнул в последнюю лодку и оказался у пристани. Он взобрался по лестнице, достал карманные часы и взглянул на них.

– Мы последние. Быстрее, скоро начнется, – поторопил Танат.

– Начнется что? – спросил Флинн, схватившись за ржавую ступеньку.

Стоило ему вскарабкаться на пристань, как под его ногами появилась сияющая дорожка, золотой лентой убегающая вдаль. Он метнулся вправо, потом влево, но она последовала за ним, как приклеенная.

– Что это? И почему оно прилипло ко мне?

– Даже не старайся сбежать. Это твоя новая судьба, – пояснил Танат.

Флинн неуверенно сделал шаг, потом еще один и еще. Золотая дорожка продолжала тянуться в неизведанную даль, меняясь, подстраиваясь.

Они шли по улицам старого пыльного города. Фонари то на мгновение гасли, то вновь ярко загорались, словно переговаривались между собой, передавая сигнал бедствия. То тут, то там Флинн видел прозрачные кристаллы, практически захватившие это место. Они росли из стен домов, выглядывали между камнями мостовой, свисали с проводов. Город был похож на столетнюю черепаху, обросшую ракушками.

За всю дорогу в горящих окнах не промелькнуло ни единого силуэта. Они также не встретили ни одного прохожего, будто город в одночасье покинули все жители, оставив дела, заботы. Просто исчезли. Флинну стало не по себе, но он отогнал жуткие мысли, как стайку назойливых мух. Глупо ведь бояться, когда ты мертв, – самое худшее с тобой уже произошло.

В воздухе разлился горьковатый аромат, и с неба посыпалась снежная крупа. Она быстро запорошила улицы, покрыв их белесым слоем. Город еще больше состарился и теперь напоминал поседевшего старика.

– Неприятное место, – сказал Флинн, ссутулившись. Ветер бил ему в спину, продувая куртку насквозь.

– Иногда вещи меняются, стоит лишь посмотреть на них под другим углом.

Танат протянул руку. Снежная крупа падала на его ладонь, с глухим стуком ударяясь о кожаную перчатку.

– Присмотрись, – посоветовал он.

Флинн взял крупинку и растер между пальцами – не растаяла. Он принюхался, а затем положил ее в рот – вкус моря растекся по языку. Это был вовсе не снег! С неба на землю падала морская соль.

Ветер принес к ногам Флинна бумажную маску, такую старую, что в руки страшно взять – рассыплется в прах. Когда-то она была яркой, но краски с годами выгорели.

– Примерь, – предложил Танат.

– Эту рухлядь? – хмыкнул Флинн, аккуратно поддев маску ногой.

– Не отказывай городу. Ты очень обидел его, назвав неприятным. Теперь он хочет показать себя с другой стороны.

– Город хочет показать себя с другой стороны? – переспросил Флинн с недоверием. Он все еще не привык к странностям загробной жизни.

– Да, – ответил Танат.

– Ладно, – согласился Флинн. – Если городу от этого полегчает.

Он достал из карманов руки, которые все это время пытался безуспешно согреть, и поднял маску. Как только она коснулась его лица, все преобразилось: город стряхнул с себя пыль, соль и время. Оранжевые отблески фонарей метались внутри кристаллов, точно светлячки в банке. От запаха жареных каштанов заурчало в животе. В окнах появились силуэты людей. Шум, гам и музыка веселым потоком вытеснили тишину. Из домов вышли смеющиеся люди. Одеты они были немного старомодно, а их лица скрывали бумажные маски, такие же, как у Флинна, только новые. Прохожие беззаботно раскрывали зонтики, прячась от солепада. В городе проходил маленький карнавал.

– Ничего себе! – ахнул Флинн. – Это город призраков?

– Нет, этот город сам призрак. Когда-то он умер, погребенный под тоннами воды. И все, что ты видишь, – лишь вспоминания о том, каким он был раньше, до потопа. У городов плохая память на лица, поэтому все эти люди носят маски.

– Но где же все остальные умершие? Кроме этого города, других призраков мы не встречали.

– Неправда, ты их уже видел, – возразил Танат.

– Когда это? – удивился Флинн, роясь в памяти. – Ведь вы сказали, что эти люди – лишь воспоминания. – Маска на его лице растаяла, и город снова опустел и постарел.

– А как же та рыбешка, которая облила тебя водой?

– Это была чья-то душа?

– Не чья-то, а рыбья, – уточнил Танат, сцепив руки за спиной.

– Как это – рыбья? – У Флинна не укладывалось это в голове.

– По-твоему, у рыб нет души? Чему ты удивляешься? Даже звезды, которые ты видел, уже не существуют в мире живых. Потусторонье само по себе состоит из призраков.

Сейчас Танат выглядел особенно отстраненным. Флинн хотел еще о многом спросить, но мысли оборвались. Его сияющая тропа слилась с широкой золотой дорогой впереди. По ней бы запросто могла пройти сотня человек, взявшись за руки, но она пустовала.

– Это главная улица? – спросил Флинн.

– Нет. – Танат покачал головой. – Это река.

Флинн с опаской приблизился к реке и наклонился. Течение было медленным, а золотая вода тягучей, как кисель. В глубине что-то плавало, но он не смог рассмотреть, что именно. Река немного вспенилась, забурлила, словно задумала выйти из берегов. Откуда-то из глубины послышался голос. Сначала далекий, неразборчивый, но он все приближался и приближался, пока не достиг ушей Флинна.

– Я твоя колыбель, – мягко шептала река. – Однажды я принесла тебя в мир живых, теперь же я унесу тебя в мир мертвых. Не бойся, окунись в меня.

Река манила, облизывая ноги Флинна теплыми волнами, но он не спешил поддаваться ее уговорам. Страх цепями сковал тело.

– Я помогу. – Железный голос Таната перекрыл бархатный шепот реки. – Увидимся по ту сторону, – добавил он и толкнул Флинна в спину.

Его подхватило сильное течение. Он судорожно греб руками, но это не помогало держаться на поверхности. Флинн с самого детства плохо плавал, а однажды чуть не утонул. Он попытался лечь на спину, но ничего не вышло: паника овладела им и потянула ко дну. Сладковатая вода вытеснила весь воздух из легких.

– Не бойся меня, – прошептала река. – Позволь отнести тебя в твой новый дом.

Флинн перестал сопротивляться и отдался течению, погружаясь все глубже и глубже. Он не задыхался, но и не дышал. Думать связно получалось все сложнее, сознание медленно угасало. Кончики пальцев начало покалывать, и они сделались прозрачными. Мягкий свет обнял Флинна, и его тело стало легче перышка. Сквозь прозрачные веки он увидел бесконечное множество силуэтов – души людей, плывущие в неизвестность.

Ему показалось, что он вот-вот растворится в золотой реке, став одним из ее потоков. Скоро он полностью исчезнет из бытия. Неужто это конец и дальше ничего нет? Неужто Танат ему соврал?

– Смерть не умеет лгать, – послышался знакомый голос.

Флинна мигом вырвало из убаюкивающей золотой реки. Он закашлялся, выплевывая воду. На губах остался сладковатый привкус.

– Где это я? – простонал Флинн, чувствуя себя рыбой, выкинутой на берег.

– По ту сторону жизни, – бесцветным голосом сообщил Танат. – Уже официально.

4. Старик, ребенок и кошка

Река перенесла Флинна на площадь, которая упиралась в широкую лестницу. Мраморные ступеньки вели к зданию с белоснежными колоннами. Кроме растерянных душ здесь толпились высокие деревья и бесчисленные статуи ангелов с фонарями в руках. Те, кого Флинн видел в золотой реке, вертели головами, пытаясь понять, что же происходит. Некоторые были одеты в шикарные костюмы, а некоторые в лохмотья. Тут находились совсем юные ребята, толком и не жившие, и дряхлые старики, немало повидавшие на своем веку. Женщины и мужчины с разным цветом кожи, разрезом глаз. Поистине, Смерть не видела различий между людьми, перед ней они все были равны.

Флинн поднялся с колен, и золотая вода под ногами просочилась сквозь камни, уйдя глубоко под землю, а одежда мгновенно высохла – очередной магический трюк от мира мертвых. Танат же, скрестив руки на груди, стоял на постаменте,

закрыв собой статую ангела, поэтому казалось, что мраморные крылья принадлежали ему.

– Что ж, поздравляю с прибытием в Чистилище. – Танат сдержанно похлопал в ладоши. – Здесь начинается твоя загробная жизнь. То, что было до этого момента, – лишь предыстория. Самое интересное ждет тебя впереди.

– Уже можно паниковать и думать о побеге?

– Поздно, – отрезал Танат. – Назад дороги нет. Скоро здесь появятся судьи, они и будут решать твою судьбу, как и судьбы всех этих душ. – Он обвел площадь рукой.

– Все хотел спросить… – пробормотал Флинн, взглядом ища кого-то в толпе. – Возможно ли в мире мертвых найти того, кого знал при жизни?

– Вполне, – подтвердил Танат. – Но тут ты вряд ли найдешь того, кого ищешь. Если только вы не умерли вместе.

– Вместе?

Флинн почему-то представил себе, как умирает с кем-то в обнимку.

– Я лишь хочу сказать, что все эти люди, – Танат кивнул на толпу, – умерли с тобой в один миг.

– Так много… – прошептал Флинн. Раньше он и не задумывался, насколько хрупка человеческая жизнь.

– Смерть без работы не сидит.

– Раз вы моя личная Смерть, то и у каждого из них, – Флинн не глядя махнул рукой, – тоже есть своя?

– Да, но чужую Смерть увидеть нельзя, как и нельзя увидеть чужого психофора.

– Психо кого? – переспросил Флинн.

– Психофора, – спокойно повторил Танат. – Не бойся, тебе обо всем расскажут. – Он в который раз достал карманные часы и посмотрел на время. – Осталось меньше мгновения, так что буду прощаться.

– Прощаться? – удивился Флинн. – Вы уже уходите?

– А ты думал, что я будут торчать с тобой до тех пор, пока звезды не остынут? Смерть – лишь черта. Ты ее пересек, мое дело закончено, – сказал Танат, спрыгнув с постамента. – Так что я скоро испарюсь, вернусь к истокам. Прощай. – Он протянул ладонь в кожаной перчатке.

– Почему «прощай»? Мы ведь еще увидимся, правда? – У Флинна была железная уверенность – хотя он не мог понять, откуда она взялась, – что это не последняя их встреча.

– Да, как только иссякнет твое новое время, но тогда я буду другим. Ничто не повторяется в точности. Каждую нашу последующую встречу я буду новым, но ты меня все равно узнаешь.

– Что ж, было приятно познакомиться, Господин Смерть.

Флинн пожал руку Танату, наблюдая, как тот начинает медленно таять в воздухе. Сперва исчезли ноги, обутые в дорогие туфли, потом черное пальто, начиная с пуговиц, затем непроницаемое лицо с ровными чертами. Самой последней исчезла рука, которую пожимал Флинн.

– Надо же, действительно испарился. Смерть не умеет лгать, – усмехнулся он.

Флинн вдруг понял, что на него кто-то пялится, и так пристально, будто смотрящий хотел заглянуть ему внутрь. Он медленно повернулся и увидел золотые глаза. На него смотрела статуя ангела. Холодное мраморное лицо при этом казалось куда живее, чем у Таната. Статуя то опускала золотые глаза, то снова поднимала, изучая Флинна. Он представил себя газетой, которую внимательно читали, всматриваясь в каждую буковку. Потом статуя поднесла к его лицу фонарь; чуть не ослепнув от яркого света, он зажмурился. Виски

сдавило болью, и под веками завертелись картинки, но Флинн не успевал их рассматривать: слишком быстро они сменяли друг друга. Еще немного, и его укачает от этого мельтешения, а голова рванет не хуже петарды.

Образы неожиданно пропали, но вместо привычной черноты Флинн увидел под веками белое пятно – свет фонаря стал ярче и теперь пробивался сквозь них. Лампочка не выдержала такого сияния и лопнула, рассыпавшись осколками по мостовой. Следом за ней взорвались и остальные, заполнив площадь глухими хлопками и запахом гари. Непроглядная тьма одеялом упала вниз. Толпа ахнула и замерла в ожидании чего-то ужасного. Кто-то не выдержал и жалобно заскулил от страха. Послышались многочисленные всхлипы. Флинн тоже напрягся, почувствовав в воздухе гнетущую атмосферу. Ему уже порядком надоели все эти странности, творившиеся с самого начала его смерти. Потусторонний мир жутко любил эпатировать публику и не отказывал себе в удовольствии ввергать новоприбывших в очередной шок.

Туманности и звезды стали больше и ярче, будто небосвод опустил лицо, чтобы поближе посмотреть, что же творится внизу, отчего поднялся такой шум.

– Эон, фонари опять не выдержали моей шикарности и перегорели. Будь так любезен, включи утро, – раздался чей-то голос в темноте.

Небо начало стремительно светлеть, из черного превращаясь в фиалковое, затем в серое и, наконец, в бледно-голубое. За пару мгновений наступило утро.

На широкой мраморной лестнице стояли двое: рыжеволосый мальчик, одетый в серый пиджак и бриджи, и некое существо, похожее на огромную лысую кошку. Оно сидело на задних лапах, медленно виляя хвостом. Лицо у существа было скорее женским, нежели мужским: большие черные глаза застыли в задумчивости, длинные темные волосы ниспадали на плечи, а сквозь тонкую бледную кожу виднелись синеватые вены.

Раздался ритмичный стук, точно десятки молоточков забили по мостовой.

– Дайте дорогу загробному судье!

Люди бросились врассыпную, создав коридор. Из центра толпы, попутно отбивая чечетку, шел старик. Металлические каблуки его туфель вовсю плевались

голубыми искрами, а пальцы щелкали в такт позвякиванию. Протанцевав так до лестницы, старик на каблуках повернулся к толпе и хитро подмигнул.

– Добро пожаловать, смертные! – воскликнул он и прыгнул на первую ступеньку.

Старик то поднимался по лестнице, то опускался. Он явно наслаждался своим чудаковатым танцем, потому что время от времени останавливался и, блаженно прикрыв глаза, отбивал сумасшедшую чечетку, заливая ступеньки водопадом искр.

Наконец-то старик поднялся по лестнице, присоединившись к мальчику и странному существу. Он пару раз крутанулся на месте, ударил по мраморному полу сначала каблуками, а потом носками, высекая последний сноп голубых искр. Угомонившись, старик поправил черную бабочку, отряхнул сливовый пиджак с замысловатым узором и пригладил седеющую бороду. Он уже было хотел обратиться к толпе, но тут, будто вспомнив о чем-то важном, резко повернулся к мальчику и заговорил с ним:

– Эон, будь добр, останови небосвод. Если солнце поднимется еще выше, то начнет припекать, а ты же знаешь, что я на дух не переношу жару.

– Тоже мне проблема, создай себе шляпу. Не стоит из-за таких пустяков играть со временем, – хмыкнул Эон. Хоть он и выглядел лет на девять, но держался совсем как взрослый.

– Тебе ведь прекрасно известно, что шляпы – не мой стиль. За ними не видно моей потрясающей шевелюры. Только посмотри, какая она густая и шелковистая. – Старик тряхнул головой. – Настоящая грива, – с нескрываемой гордостью добавил он.

– А не надо было взрывать лампочки ради эффектного появления, тогда бы мне не пришлось перематывать время, – ответил Эон, закатив глаза.

– Ты с каждым мгновением становишься все невыносимее, – цокнул старик языком. – Моя луноликая Сфинкс, – на этот раз он обратился к кошке с человеческим лицом, – хотя бы ты повлияй на нашего упрямого повелителя времени. Что ему стоит остановить небо на десять минут? У него целая вечность в кармане, а он жмется.

– Все в этом мире относительно… и десять минут кому-то покажутся вечностью, – таинственно произнесла Сфинкс.

Она разговаривала очень странно, казалось, что вместо нее говорил целый хор разнообразных голосов: мужских и женских, детских и старческих, скрипучих и мелодичных, высоких и низких.

– Ладно. Но только на десять минут, не больше! – сдался Эон.

Он обреченно вздохнул и щелкнул пальцами. Небо замерло: облака перестали плыть, птицы застыли в полете.

– Премного благодарен. – Старик улыбнулся и повернулся к толпе. – Новоприбывшие! Рад приветствовать вас в Чистилище – городе неприкаянных душ. Здесь вы проведете самые лучшие моменты своего потустороннего бытия. Или худшие, тут уж как пойдет, – говорил он как профессиональный зазывала, никто не мог оторвать от него взгляд. – Все вы прибыли сюда лишь с одной целью: понять, что же в вашей жизни пошло не так. Наш долг – помочь вам. Сегодня каждый из вас встретится с личным консультантом, он вам все подробнее расскажет. Позже ваша жизнь будет детальнейшим образом изучена и вы получите список испытаний. По их завершении мы, достопочтенные судьи загробного мира, – он указал сначала на себя, а потом на мальчика и кошку с женским лицом, – будем решать вашу судьбу.

Старик подошел к мальчику сзади и положил руки ему на плечи.

– Прошу любить и жаловать! Эон – первый судья загробного мира, повелитель времени, хранитель Часов Вечности, – представил он мальчика публике. – Только не просите у него лишних минут, он тот еще скряга, – добавил старик, после чего Эон смерил его испепеляющим взглядом. – Обращаться к нему лучше по утрам, потому что к вечеру характер нашего повелителя времени совершенно портится. Уж очень он переменчив.

– А это. – Старик подошел к огромной кошке с женским лицом. – Это наша дорогая леди Сфинкс – вторая судья. Любительница тайн и головоломок. Только умоляю вас, не спрашивайте ее ни о чем, все равно ничегошеньки не поймете. Уж очень она загадочна.

Потом старик развел руки в стороны и торжественно произнес:

– И, конечно же, – я! Всеми любимый и обожаемый третий судья. Источник бесконечной мудрости, мэр Чистилища и просто отличный парень – господин Аяк!

Он хлопнул в ладоши и с самодовольным видом зажмурился. Толпа никак не отреагировала: все словно проглотили языки. Господин Аяк приоткрыл глаза и посмотрел на небо.

– Какая оплошность с моей стороны! Забыл, что сейчас утро. Эон, будь другом, верни ночь, иначе зрелище фееричным не получится.

– Это уже не вписывается ни в какие рамки, Аяк! Я не буду вертеть время туда-сюда ради твоих глупых фокусов, – запротестовал Эон.

– Ладно, сам справлюсь, – беззаботно ответил господин Аяк, ища что-то во внутреннем кармане пиджака.

– Хотелось бы посмотреть, как это у тебя получится, – насмешливо сказал Эон. – Я на прошлой неделе спрятал Часы Вечности там, где ты их точно не найдешь.

– Сейчас, сейчас, – пробубнил Аяк, продолжая что-то искать, но уже в кармане брюк. – Где же они? Ах, вот где! – победоносно воскликнул он.

Господин Аяк достал уже знакомые Флинну золотые часы со знаком бесконечности на крышке, такие он видел у Таната. Глаза Эона округлились от ужаса, и он попытался выхватить часы.

– Откуда они у тебя? Немедленно верни!

– Я их взял у нашего общего знакомого. Вспомнить бы, как они работают… – задумчиво произнес господин Аяк, открывая крышку.

– Он не мог их тебе отдать! Держу пари, что ты их украл! – Щеки Эона побагровели, а ноздри раздулись.

– Пока он не заметил пропажи, технически я их не украл, а лишь на время позаимствовал. Позаимствовал Время на время. Шикарный каламбур, – развеселился господин Аяк.

– Предупреждаю: если ты сломаешь Часы Вечности, то время перестанет существовать. А вместе с ним и ты! Хотя, – Эон призадумался, – если хочешь – ломай. Хоть так от тебя избавлюсь.

– О, мне так больно слышать, что ты не рад моей компании.

– Был бы рад, если бы не знал тебя с начала времен. Ты у меня уже в печенках сидишь! Так что давай, ломай, – с вызовом предложил Эон. – Разбери эти часы на маленькие винтики и закончи наконец мои мучения.

– Не волнуйся, ничего я не сломаю. У моих рук превосходная память, куда лучше, чем у моей головы. Ох, бедная моя головушка! – вздохнул господин Аяк. – Ей приходится столько всего хранить в себе! Все знания мира – это вам не шутки! Что-нибудь да обязательно запамятуешь. И все же тяжко быть олицетворением мудрости.

– После стольких лет мне уже кажется, что ты олицетворение глупости, – фыркнул Эон.

– Да будет тебе известно, что от глупости до мудрости всего один шаг. И этот шаг – истина, – подмигнул господин Аяк. – Смотри-ка, мои руки меня не подвели.

Застывшие облака вновь пришли в движение. Солнце быстро заскользило по небосводу: тени сперва почти исчезли, став короткими и темными, а затем вытянулись и побледнели. Запад окрасился в малиновый цвет, знаменуя окончание дня. Но менялось не только небо. Эон из рыжеволосого мальчика превратился в молодого парня с веснушками на лице, а после в мужчину с густой бородой.

С наступлением сумерек в фонарях выросли новые лампочки. Они, мигая, неуверенно зажглись, будто боялись, что их снова взорвут. Статуи ангелов зачем-то расправили крылья, шурша мраморными перьями. Может, так они приветствовали перерождение света?

Когда же наступила ночь, Эон стал дряхлым стариком с бородой по пояс и длинными серебристыми волосами.

– А ты не верил, что я справлюсь. Признай, ты просто не хотел вновь становиться старой развалиной. – Господин Аяк панибратски хлопнул Эона по плечу, который от этого жеста чуть не упал.

– Аяк, это была последняя капля! Я снова пожалуюсь Танату! – вытянув узловатый палец, просипел Эон.

– Это того стоило. Теперь на твоем фоне я выгляжу значительно моложе. – Господин Аяк снова поправил бабочку и отряхнул пиджак. – А теперь давай проверим твою ловкость. На, держи! – Он подкинул часы в воздух.

Дряхлый Эон испуганно охнул, но успел их поймать.

– Ты чуть не разбил Время!

– Но ты ведь сам мне предлагал его сломать. А теперь почему-то жалуешься. Эон, ох уж эта твоя переменчивость. – Господин Аяк сложил руки в замок и покачал головой.

– Это было несерьезно! Шутка.

– Отсюда вывод: не надо шутить со временем. Ах, когда же все научатся трепетно относиться к нему, – с напускной грустью вздохнул господин Аяк. – Ведь почти все бездумно проматывают его, не ценят, а потом жалуются, что жизнь быстро пролетела. – Он многозначительно посмотрел на толпу.

– Да уж, глупцов по обе стороны хватает, – сказал Эон, бережно пряча часы.

– На чем я остановился? – призадумался господин Аяк. – Вспомнил! – хлопнул он себя по лбу. – Добро пожаловать в Чистилище, мертвые вы наши!

Господин Аяк широко раскинул руки в стороны, и в этот самый миг на небе взорвались салюты, прогоняя тьму. Лепестки сияющих цветов распускались и опадали, превращаясь в разноцветный дым. Огненные змеи танцевали,

выписывая невероятные фигуры, извергали из пастей алые искры, а после таяли.

У Флинна от бесконечных хлопков зазвенело в ушах. Он вспомнил, как в детстве наблюдал нечто подобное. Ему тогда было пять. Они с отцом пошли на день фейерверков и целых два часа любовались разноцветными огнями на фоне чернильного неба. С каждым свистом запускаемого салюта его сердце замирало, а после оглушительного взрыва билось испуганной птицей. Столько смеха и радости ему больше не принес ни один день в его жизни. Ненадолго Флинн забыл, где находится. Все стало таким незначительным. Сейчас существовали только свет, грохот в небе и воспоминания, теплом разлившиеся в груди.

Представление закончилось, оставив после себя запах пороха, медленно тающий дым и привкус прошлого.

– Это было шикарно! Я такой молодец, – сам себя похвалил господин Аяк, натянув широченную улыбку. – А вам, – он обратился к толпе, – я бы хотел сказать еще пару слов. – Веселье мигом стерлось с его лица. – Из Чистилища есть только два пути: для легких душ уготованы Небесные Чертоги, для тяжелых, увы, Лимб. Если мы с коллегами не придем к единому решению, то вам будет дан второй шанс и через время вы пройдете все испытания заново. А теперь прошу вас проверить левые карманы.

Флинн опустил руку в карман штанов и достал золотую монету, которую видел впервые. На одной стороне изображалась бабочка, а на другой ухмыляющийся череп, дымящий сигарой. Монета внезапно потяжелела, выскользнула из рук и, к удивлению, упала на ребро.

– Это ваша Монета Судьбы, – пояснил господин Аяк. – С ее помощью вы сможете узнать о решении суда. Если она упадет бабочкой вверх, вас ждут Небесные Чертоги, если выпадет череп, то вам уготован Лимб. Ну а если на ребро, то вердикт еще не вынесен.

Внутри Флинна натянулась струна, вся радость от фейерверков улетучилась. Он нагнулся и поднял монету.

– Отныне ваша судьба только в ваших руках. А теперь проверьте правые карманы.

Флинн достал из правого кармана книжку размером со спичечный коробок. На темно-серой обложке был нарисован золотой клубок ниток.

– Это путеводитель по Чистилищу, – сказал господин Аяк. – Тут указаны все достопримечательности нашего города. С ним вы никогда не потеряетесь. Если захотите куда-то попасть, откройте путеводитель и четко произнесите название места. Дорога сама найдет вас. Также всем вам нужно обратиться в службу психофоров, где каждого из вас уже дожидается личный консультант. Все вопросы можете задавать ему. Удачи! Увидимся на Страшном (или не очень) суде!

– Фигляр, – буркнул Эон, спускаясь по лестнице.

– Кстати, Эон, не сочти за труд, одолжи мне часы еще буквально на минутку, – попросил господин Аяк.

– Зачем это?

– Хочу вернуться во вчерашний день, сегодняшний мне категорически не нравится. Воздух не такой свежий, да и звезды какие-то тусклые. Вчера было определенно лучше.

– Еще что удумал, обойдешься и сегодняшним днем! – возмутился Эон. – Когда-нибудь ты доиграешься и разобьешь Время.

– А ты разбиваешь мне сердце! И все же я был прав, сказав, что к вечеру у тебя портится характер. С утренним тобой сложно, а с вечерним вообще невыносимо.

Флинн больше не слушал пререканий двух судей: все мысли заняла монета, блестевшая в свете фонарей. Его судьба отныне в его руках, как и сказал господин Аяк. Флинн пытался вспомнить свою жизнь. Сколько хорошего и плохого он сделал за свои неполные семнадцать лет? В какую сторону склонится чаша весов?

Поглощенный внутренними переживаниями, он и не заметил, как к нему подошла Сфинкс. Флинн никак не мог понять ее настроения: сперва казалось, что женщина-кошка улыбалась, но стоило чуть повернуть голову – и вот она

будто злилась. Нечто неуловимое и изменчивое было в ее лице.

– Твоя надежда цвета неба и тоньше крыла бабочки, – таинственно промолвила Сфинкс.

Ее черные круглые глаза видели Флинна насквозь. У него задрожали руки, и Монета Судьбы вновь упала – опять на ребро.

– А твои тайны горько пахнут, – сверкнув глазами, сказала она напоследок и растворилась в воздухе.

Флинн остался наедине с терзающими мыслями. Он так виноват…

5. Служба психофоров

Когда люди начали расходиться, Флинн заметил, что все они пошли в разные стороны, словно у каждого была своя дорога. Он раскрыл путеводитель и услышал мелодичный голос:

– Здравствуйте, меня зовут Ариадна. Чем могу помочь? – спросила невидимая женщина.

– Доб-брый вечер, – с запинкой произнес Флинн. – Мне нужно попасть в службу психофоров, – и поспешно добавил: – Пожалуйста.

– Подождите немного, я проложу вам дорогу, – учтиво ответила она, и книжечка захлопнулась. – Готово.

Под ногами Флинна засияла золотая тропа, точно такая же, как и тогда, на пристани.

– Спасибо, – с опозданием поблагодарил он и отправился в путь.

Служба психофоров располагалась в двухэтажном здании, выкрашенном в желтый. Из окон лился мягкий свет, а деревянная дверь была настежь распахнута. Изображенный на вывеске воробей пристально наблюдал за Флинном. Ему даже показалось, что эта маленькая нарисованная птичка пару раз моргнула.

Тряхнув головой, Флинн переступил порог и очутился в длинной узкой комнате, больше похожей на коридор. Он готовился увидеть очереди из усопших и снующих туда-сюда работников, но никого не было. По обе стороны от входа тянулись ряды лакированных столов, на которых стояли чашки с дымящимся чаем и громоздились кипы бумаг. Многие документы находились в ужасном состоянии: помятые, с пятнами от кофе, а некоторые и вовсе с обгоревшими краями.

– Эй, есть кто-нибудь живой? – громко спросил Флинн и тут же понял, насколько нелепо прозвучали его слова. Но ни живых, ни мертвых по-прежнему не наблюдалось.

Взгляд Флинна зацепился за плетеные корзины, стоявшие на последнем столе. Они были доверху заполнены свежеиспеченными булочками с корицей. Он подошел к ним вплотную и настороженно огляделся. Никто же не заметит пропажу одной булочки?

– Если возьмешь ее без разрешения, то в твоем личном деле появится еще одна запись. Поверь, оно и без того выглядит крайне паршиво, – промолвил кто-то за его спиной.

Флинн медленно повернулся и увидел парня, который сидел на столе, скрестив ноги. На нем были джинсы, красная толстовка с капюшоном и такого же цвета кеды с нарисованными белыми крыльями по бокам. Из-под серой шапки с кошачьими ушами торчали темные кудри. В руках он держал папку, внимательно изучая ее содержимое.

– Воровать для тебя привычное дело, ведь так? Думаешь, раз начал однажды, то можно и не останавливаться, хуже от этого не станет? – спросил незнакомец, подняв смуглое лицо.

– Ты кто такой?

– Тот, кто сделает из тебя нормального человека.

Парень в шапке криво улыбнулся, закрыл папку и спрыгнул со стола, на ходу взяв ту самую булочку, к которой раньше тянулся Флинн.

– Дай угадаю, ты и есть мой консультант по загробной жизни, – простонал Флинн.

– Да ты, брат, гений – сразу понял, что к чему, – с набитым ртом пробормотал парень. – А булочки только для сотрудников.

– Не очень-то и вежливо, – сказал Флинн.

– Вежливость не входит в список моих обязанностей, – ухмыльнулся парень.

– А почему здесь только мы? – решил сменить тему Флинн, разглядывая пустую комнату. – Где другие души? Нас же на площади было много. И где сотрудники?

– Представь, какая очередина образовалась бы, если бы все пришли в одно время. – Парень облизал пальцы. – Сам подумай, город хоть и огромный, но не безграничный. Каждый день умирает куча людей! Как бы вы все тут уместились? Поэтому вас всех раскидывают по разным временным веткам, чтобы не было путаницы и столпотворения.

– Какая хитроумная система. И как же здесь можно найти кого-то?

– Началось! Еще не успел побывать у Всевидящего, получить задания, а уже ищет кого-то. Повремени немного, братишка. – Парень тяжело вздохнул. – Души из года в год становятся все наглее.

– Танат сказал, что это возможно, – почти прорычал Флинн.

– А я и не говорю, что это невозможно, – ответил парень. – Теоретически я могу тебя провести к тому, кого ты ищешь, если он еще в Чистилище и не против встречи с тобой. Но заруби себе на носу: сделаю я это лишь в обмен на твое хорошее поведение.

– И что же подразумевает под собой «хорошее поведение»? – спросил Флинн, пытаясь держать себя в руках. Загробный консультант начинал бесить.

– Быть послушным и забыть о глупостях. Ты их и при жизни совершил предостаточно. Не стоит делать эту папку еще толще, – серьезно произнес парень, бросив его личное дело на стол.

Флинн напряженно перевел взгляд с папки на своего консультанта.

– Я постараюсь, – сжав зубы, процедил он.

– Тогда дай руку, – сказал парень, прищурив зеленые глаза.

Флинн нехотя подчинился. Рукопожатие было сильным и обжигающим, как прикосновение к раскаленной кочерге. Он отдернул руку и посмотрел на нее. Посреди ладони появилась татуировка в виде крыльев птицы.

– Не бойся, она не навсегда, это временный контракт. – Парень продемонстрировал свою ладонь. – Видишь, у меня теперь такая же метка. С этого момента наши души связаны. Я буду чувствовать все, что чувствуешь ты, так мне будет легче контролировать твое состояние.

– Души? – удивился Флинн, дуя на руку (она еще горела). – Хочешь сказать, что ты тоже когда-то был человеком?

– Ребенком, – коротко ответил парень.

– Ты – душа ребенка? – не поверил Флинн, подумав, что его консультант над ним подшучивает. – На вид мой ровесник.

– Вот именно, что на вид, – заявил парень, поправляя наехавшую на глаза шапку. – В загробном мире можно принять любой облик. Но сразу предупреждаю: тебе и пытаться не стоит.

– Почему это?

– Взрослые слишком привыкли видеть себя такими, какими их видят окружающие. Ты можешь попробовать, но вряд ли у тебя получится. Для этого нужно откинуть все условности, но люди держатся за них мертвой хваткой, боясь утонуть в чужом неодобрении. Чем старше человек, тем больше он зависим от постороннего мнения. Мы же – дети – не видим рамок, потому что не создаем их. Это удел взрослых.

– Да, взрослым быть непросто, – согласился Флинн. – Но зачем мне ребенок-консультант? Какая от тебя польза?

– Ой, только не называй меня консультантом, – скривился парень. – Я – психофор. Это нечто большее, чем обычный советчик. Я проводник твоей души.

– Ладно, но я все равно не понимаю. Ты и жизни толком не видел. Какие советы ты можешь мне дать?

– Простые и правильные, – ответил парень. – Дети смотрят на мир иначе. Вот скажи, если бы тебе понравилась девушка, что бы ты сделал?

– Ну, не знаю… – Флинн пытался вспомнить, как поступал в подобных ситуациях. – Подошел бы к ней, начал шутить.

– А ребенок бы сказал прямо: «Ты мне нравишься».

– Суперсовет от того, кто девчонку и за руку не держал, – хмыкнул Флинн.

– Думай как хочешь, – отмахнулся парень. – Кстати, меня Тайло зовут. Ударение на «а». Терпеть не могу, когда мое имя коверкают.

– Вовремя представился.

Тайло на что-то отвлекся. Он повернул голову к выходу, а после хлопнул в ладоши и громко крикнул:

– Эй, бездельники, время обеда давно прошло! Работа сама себя не сделает!

В воздухе залетали папки, застучали клавиши печатных машинок, зашуршала бумага. Чашки с чаем и кофе поднимались и опускались, глухо ударяясь о столешницы. Сотни невидимок упорно трудились на своих рабочих местах. Тут Флинн вспомнил, как Танат говорил, что чужих психофоров увидеть нельзя.

– Эй, Тайло, а все ли психофоры дети? Или ты один такой? – спросил он, наблюдая за парящим в воздухе белым мелком. Кто-то нарисовал на стене зверька (почему-то безухого).

– Коллин, милая, что ты делаешь?! – воскликнул Тайло. – Как так можно?

Он подошел к невидимке, сердито отнял мелок, а потом дорисовал зверю уши. Вышел кролик.

– Уши – это самое главное! – Тайло указал на свою шапку с кошачьими ушами. – Если их сделать острыми – выйдет кот, если круглыми – медведь, а если длинными, то кролик. Уши меняют все! – Он отдал невидимке мелок и вернулся к Флинну. – Да, все психофоры дети, и поверь мне, тебе достался не самый капризный. Пойдем, у нас дел выше крыши.

– Куда мы? К распределителю заданий? А их будет много? Они сложные? – затараторил Флинн, догоняя своего психофора.

– Слишком много вопросов, у меня уже голова трещит, – потирая виски, пожаловался Тайло. – Давай все делать по порядку? В загробных делах у меня больше опыта, согласись.

Тут к нему подплыла чашка с кофе, а за ней, вальяжно перекатываясь по воздуху, румяный пончик, посыпанный сахарной пудрой.

– Коллин, ты душка, – умилился Тайло, принимая угощение. – Если бы не ты, я бы давно уволился, честное слово!

Флинн жадно посмотрел на еду. Ему жутко захотелось есть. Видать, невидимка поняла это, и вскоре к нему подлетел черничный кекс, а вслед за ним чашка с чаем, в котором плавала долька лимона.

– Спасибо… Коллин? – неуверенно сказал Флинн.

– Да-да, это она, – с набитым ртом подтвердил Тайло. – Коллин у нас здесь одна такая милая и внимательная. Кстати, как твои дела, Коллин?

Тайло, судя по серьезному выражению лица, очень внимательно слушал невидимку, в чем-то соглашаясь с ней и периодически удивляясь.

– Вот оно как… Да, это очень серьезное дело. Не переживай. Все будет хорошо, – подбодрил Тайло невидимку.

Флинн откусил от кекса небольшой кусочек. Ему отчего-то казалось, что еда в мире мертвых обязана быть резиновой и безвкусной, но ошибся: ничего вкуснее он никогда не ел. Мир мертвых впервые порадовал.

– Подкрепился? – спросил Тайло, и Флинн кивнул. – Тогда ноги в руки.

Они быстрой походкой направились к выходу.

– Пока, Коллин, – дружелюбно попрощался Тайло уже у самой двери и помахал невидимке рукой.

– Хорошего дня! – пожелал ей Флинн.

– Она тебе тоже желает хорошего дня, – передал Тайло слова невидимки. – Говорит, что ты лучше, чем думаешь о себе.

– Боюсь, что она ошибается. – Флинн поник. – Я не самый лучший человек.

– Коллин никогда не ошибается в людях. У нее нюх на доброту, – сказал Тайло, переступая порог. – Хотя не исключаю, что она могла перепутать доброту с простотой.

Улица встретила их освежающей прохладой и слабым ветерком. Влажный воздух легким поцелуем коснулся щек Флинна. Небо опять отодвинулось, и теперь звезды сияли не так ярко, как раньше.

– Так почему все психофоры это души детей?

– Все просто, – пожал плечами Тайло. – Взрослые попадают сюда с багажом прошлого. Здесь они исправляют свои ошибки, если получается, конечно. Дети же чисты, как первый снег. Мы ничему не научились при жизни, не извлекли никаких уроков – не успели, – поэтому нас делают компаньонами взрослых. Мы перенимаем ваш опыт, без которого нам дальше нет пути. Взамен же даем советы – простые и правильные, как я уже говорил. А еще мы делимся с вами внутренним светом, которого вам так часто не хватает.

– Жить страшно, а не успеть пожить еще страшнее… – Флинну стало тяжело на сердце.

– Да, намного страшнее, – согласился Тайло, задумчиво рассматривая небо. – Я вот никогда не пробовал клубнику. В Чистилище она не растет. Почему – загадка. Может, климат слишком сырой. – Он чихнул. – Что-то лень мне идти на своих двоих. Последний пончик был лишним.

Тайло подпрыгнул и завис в воздухе. Нарисованные крылья на его кедах ожили и стали настоящими – он летал.

– Я бы тоже не отказался от таких кед. Можно мне пару?

– А смысл? Все равно не сможешь взлететь, – ответил Тайло, делая вираж.

– Сомневаешься в моих способностях? – поинтересовался Флинн, идя следом.

– Дело не в них. Твоя душа слишком тяжела для полетов. Груз вины и ошибок не даст тебе подняться. Ты ведь слышал о Небесных Чертогах и Лимбе?

– Да, – кивнул Флинн, смутно припоминая речь господина Аяка.

– Так вот, – продолжил Тайло, – легкие души могут вознестись в Чертоги. Отдохнуть там, а после переродиться. Это что-то вроде зала ожидания, только ты сам решаешь, когда придет твой поезд. По слухам, это чудесное место, где исполняются любые мечты. А вот тяжелые души, переполненные злобой и страданиями, камнем падают в Лимб. Туда ведет особый лифт, но только судьи

знают, где он находится. Говорят, что Лимб – это бесконечный лабиринт, выхода из которого нет. Души одиноко бродят в нем, поглощенные темными мыслями, потому что в наказание у них забрали все радостные воспоминания, все счастье. Со временем они становятся частью Лимба, растворяясь в нем.

– И часто души попадают в Лимб? – Флинна невольно передернуло.

– М-м-м, не могу сказать, – промычал Тайло. – Вряд ли кто-то ведет статистику. Но ты не бойся, тебе дадут много шансов на исправление, – обнадежил он. – Некоторые души живут в этом городе столетиями. Взять хотя бы Платония Квинта. Он уже две с половиной тысячи лет торчит в Чистилище. Но мне кажется, что ему тут просто нравится, поэтому он и не уходит. Ему даже присвоили звание почетного жителя. А теперь я покажу тебе твой новый дом.

– Дом?

– Ну да, не на улице же тебе ночевать. Ты, конечно, уже не сможешь подхватить воспаление легких и умереть, но это как-то не по-людски. Тебе нужна крыша над головой.

– И что? Я буду жить в доме с призраками? – усмехнулся Флинн, представив себе эту картину.

– Ты и сам призрак, – напомнил ему Тайло. – Город разделен на кварталы. Все они отображают то, – он помедлил, подбирая нужные слова, – то, что гложет тебя больше всего, что не дает быть счастливым и хорошим человеком. К примеру, здесь есть квартал Потерявших Надежду, квартал Одурманенных или квартал Скорбящих.

– И где же мое место? – Флинн сглотнул. Он почувствовал, как кровь застучала в висках.

– Увидишь.

Остаток пути Флинн молчал. От всего услышанного у него голова шла кругом. Сейчас он не хотел ни о чем думать, ни о чем спрашивать. Ноги не гнулись, но он не жаловался и продолжал идти, хмуро глядя на дорогу, хотя на самом деле ему

хотелось бежать от своего нового дома куда подальше.

– Пришли, – сказал Тайло, опускаясь рядом с ним. – Твой новый дом.

– Милое место, – выплюнул Флинн.

Ему не нужно было читать табличку на здании, он и так прекрасно знал, куда привел его психофор. Теперь новый дом будет каждый день напоминать Флинну о том, что гложет его до костей и не дает быть счастливым.

6. Новый старый дом

Новое жилье Флинна по иронии судьбы действительно походило на дом с привидениями. Обветшалый особняк навевал тоску. Темные проемы окон смотрели на Флинна с жалостью. Внутри дом оказался не лучше: деревянный паркет был изборожден глубокими царапинами, словно громадный зверь каждый день точил об него когти, выцветшие обои, лоскутами свисавшие со стен, напоминали потрепанные крылья бабочек. Лампы, покрытые вековым слоем пыли, жадничали и неохотно делились светом, а на тяжелых портьерах и некогда шикарных коврах хозяйничала моль.

– Располагайся, – сказал Тайло. – Я поищу комендантшу.

Флинн плюхнулся на бордовый диван, подняв столб пыли, и закашлялся. Пытаясь восстановить дыхание, он осмотрелся в поисках графина с водой, но, увы, не нашел. Зато обнаружил старый журнал, который уже лет пятьдесят не выпускают. Как только Флинн дошел до последней страницы, журнал рассыпался в прах и появился на прежнем месте. Загробный мир не переставал удивлять.

– Попрошу впредь к экспонатам не прикасаться, они те еще недотроги, – процедила стоявшая на лестнице старуха. Из-за ее спины выглядывал Тайло.

– Флинн, знакомься, это мадам Брунхильда – комендантша твоего дома.

Старуха поджала тонкие сухие губы и пальнула свинцовым взглядом. Она очень смахивала на бывшую соседку Флинна: такие же седые волосы, уложенные в аккуратный пучок, выпирающий подбородок, маленький крючковатый нос и серые глаза, сверкавшие недобрым блеском. Тощую фигуру мадам Брунхильды обтягивало черное строгое платье до пола. В руках она держала огромную связку ржавых ключей.

– А это Флинн, мадам Брунхильда. Ваш новый постоялец.

– Мне его имя без надобности, – фыркнула старуха. – Буду звать тебя шестьдесят первым.

– Почему это? – Флинн почувствовал себя оскорбленным. Уж имя-то он заслуживал.

– Потому что будешь жить в шестьдесят первом номере, понятно? – резко ответила мадам Брунхильда. – За мной, – приказным тоном добавила она и, слегка прихрамывая, зашаркала наверх.

– Не спорь с ней и не задавай лишних вопросов. Она самая строгая из всех комендантов, которых я знаю, – с трепетом прошептал Тайло. Видимо, он ее побаивался.

– Ванная на каждом этаже в конце коридора, но горячая вода есть только по четвергам, – проскрипела мадам Брунхильда. – Прием пищи по гудку, а не по часам, в противном случае – с этими вечными скачками времени – у нас было бы по пять завтраков за день и ни одного ужина за неделю. В комнату никого, кроме своего психофора, не приводить. Это тебе не дом свиданий. Страсть оставь для живых, мальчик. Полтергейсты тоже под запретом, только если сами не заведутся. В таком случае сообщай о них непосредственно мне, я их быстро вытравлю.

Ржавые ключи в руках мадам Брунхильды стучали друг о друга и по нервам Флинна. Лестница тянулась бесконечно. Они преодолели как минимум семь пролетов, но так и не добрались до нужного этажа, хотя снаружи дом выглядел невысоким. Флинну казалось, что он идет по особняку знатного семейства, последний член которого умер лет сто назад, и с его смертью дом пришел в запустение. Газовые рожки на стенах угрожающе шипели, точно рассерженные

змеи. Вдоль лестниц висели портреты со смазанными лицами. Скорее всего, художник остался недоволен работой и в отчаянии плеснул на нее растворитель. Тут были недописанные пейзажи на черных холстах, древние вазы, за которые коллекционеры всего мира отдали бы баснословные деньги, давно утраченные произведения искусства. Дом показал себя настоящим ценителем прекрасного, он бережно собирал все то, от чего отказались люди.

Флинн заприметил маленькую статуэтку обезьянки с длинным хвостом. Она стояла на перилах. Чуть дальше ему на глаза попалась такая же фигурка. Мотнув головой, он попытался избавиться от навязчивой мысли, но через пару шагов снова увидел обезьянку. Обернувшись, Флинн понял, что не ошибся: статуэтка, которую он видел ниже, исчезла.

– Ты что, живая? Ты меня преследуешь?

Каменная фигурка, разумеется, ничего не ответила. Пожав плечами, Флинн пошел дальше, но отчего-то ему стало сложно идти. Он опустил голову. Нефритовая обезьянка сидела на его ступне, крепко обхватив щиколотку хвостом.

– Не могла бы ты слезть? – как можно вежливее попросил Флинн.

Обезьянка не шевельнулась. Она пристально смотрела на него блестящими черными глазками. Флинн нагнулся и попытался оцепить от себя назойливое животное, но у него не получилось – хватка была каменной.

– Что ты от меня хочешь? – теряя терпение, спросил Флинн. – У меня ничего нет!

В подтверждение своих слов он вывернул левый карман, из которого выпал золотой кругляш – Монета Судьбы.

Обезьянка мигом отцепилась, схватила монету и ринулась бежать со всех лап.

– Стой! – закричал Флинн, молнией бросившись за воровкой.

Обезьянка, будто поняв его, остановилась, забралась на перила и, обвив их хвостом, повисла вниз головой. Она раскачивалась, как маятник, вертя в

маленьких лапках монету.

– Пожалуйста, отдай, – взмолился Флинн, покрывшись испариной. – Это очень важная вещь. Мне нельзя ее потерять.

В глазах обезьянки промелькнуло некое осознание. Она призадумалась и, после недолгих размышлений, протянула монету.

– Молодец, хорошая девочка.

Флинн почти прикоснулся к монете, но та неожиданно выскользнула из лап обезьянки и упала в проем между лестницами. Он отчаянно взвыл. Обезьянка виновато пожала плечами, отцепилась от перил и быстро скрылась из виду.

Перед ним нарисовался Тайло, метавший громы и молнии.

– Эй, ты почему отстал? Сейчас нам обоим влетит от мадам Брунхильды.

– Монета, – только и смог выдавить Флинн.

– Что монета? – не сообразил Тайло.

– Эта тупая обезьяна украла мою Монету Судьбы, а потом выронила! Мне нужно ее найти!

Флинн побежал вниз, но психофор остановил его, дернув за рукав куртки.

– Прекрати истерику. Разве тебе никто не пояснил, что монету нельзя потерять?

– Нет, – признался Флинн.

– Значит, господин Аяк забыл об этом упомянуть. Он бывает на удивление рассеянным, не голова, а решето. Проверь карманы.

И Флинн действительно нащупал монету.

– Сколько бы ты ни терял ее, она всегда будет возвращаться, – объяснил Тайло. – Все продумано так, чтобы всякие безответственные личности вроде тебя не носились с бешеными глазами в поисках пропажи.

Флинн ничего не ответил. Он последовал за психофором, крепко сжав монету.

Наконец-то преодолев последние ступени, они очутились в длинном коридоре со множеством ответвлений и переходов. Нумерация здесь шла не по порядку. Иногда вместо цифр встречались непонятные символы, а иногда рисунки, больше похожие на наскальную живопись. На одной из дверей висела табличка: «Не входи – оживешь». Чья-то злая шутка, потому что за ней оказалась глухая стена. Одни двери были полностью утыканы ручками, другие замочными скважинами, а третьи – причудливыми дверными молотками. Но всех их кое-что объединяло: они были унылого красно-оранжевого цвета, словно покрытые ржавчиной. Пропетляв минут двадцать по бесчисленным коридорам, они наконец-то остановились.

– Пришли, – хрипло оповестила мадам Брунхильда, отперев ржавым ключом дверь под номером 61.

Флинн заглянул в комнату: почти пустая, лишь старый деревянный шкаф одиноко стоял в углу.

– На что уставился? Входи уже, – поторопила старуха.

– Здесь ничего нет, – растерянно проговорил Флинн. – Как тут жить?

– Ты сначала переступи порог, а потом делай выводы. – Мадам Брунхильда всучила ему ключ и, развернувшись, пошла обратно.

– Но как мне без вас найти свой номер? В этом доме потеряться – раз плюнуть! – вдогонку крикнул Флинн.

– Парень, ты вместе с жизнью лишился и ума? – Мадам Брунхильда оглянулась и выстрелила в него взглядом. – У тебя же есть путеводитель, воспользуйся им.

– Ничего не скажешь, милейшая тетка, – съехидничал Флинн, как только она скрылась за углом.

Он переступил порог – и тут же в комнате непонятно откуда появилась мебель, будто из воздуха сконденсировалась. Интерьер в точности повторял бывшую комнату Флинна. Громоздкий ржавый ключ превратился в маленький серебристый (один в один ключ от его старой квартиры!).

– Ну что? Чувствуешь себя как дома? – спросил Тайло, поднявшись в воздух с помощью волшебных кед.

– Да, можно и так сказать. – Флинн постарался изобразить радость, но вышло у него неубедительно. Он никогда не умел притворяться.

Родной дом перестал быть для него приятным местом, с тех пор как ему исполнилось одиннадцать. Именно тогда его жизнь полетела под откос.

Комната была точно такой, какой он ее запомнил: односпальная кровать с черными простынями, темно-фиолетовые стены, плакаты с любимыми группами, светлый ковер с длинным ворсом.

– Я же отпустил все эти вещи. Почему они здесь?

– Ты отпустил не вещи, а воспоминания, связанные с ними, – паря под потолком, ответил Тайло. – Сами по себе эти предметы ничего не значат – обычное барахло.

Новым здесь был только шкаф, который Флинн увидел еще до того, как комната заполнилась.

– А вот это здесь лишнее. – Он подошел к шкафу и протянул руку, чтобы открыть дверцу.

– Не трогай! – Тайло мигом спустился на пол, его зеленые глаза горели испугом. – Это самая страшная вещь, которую когда-либо создавало Чистилище!

– Эта рухлядь? – Флинн ударил ногой по деревянной ножке.

– Страшен не сам шкаф, а то, что внутри!

– Ну и что же там?

– То, что никто и никогда не должен увидеть, – зашептал Тайло. – Там во мраке неведенья хранятся самые страшные тайны людей – темные и мерзкие. Любой, кто откроет этот шкаф, выпустит свои секреты наружу, и они разбегутся по всему Чистилищу. Потом ходи лови их.

– Так уберите его отсюда, – предложил Флинн, не видя проблемы. – Зачем испытывать судьбу?

– Думаешь, никто не пытался? Шкафы рубили, сжигали, выкидывали, а они каждую ночь вновь и вновь появляются во всех домах Чистилища. Так что не смей открывать его, как бы тебя ни просили.

– Шкаф будет просить открыть себя? – Брови Флинна поползли на лоб.

– Не шкаф, а тайны. Выпускать их нужно не тут, а в доме Испытаний, иначе будет беда, – предупредил Тайло.

– Скорее бы начались эти испытания, – вздохнул Флинн и сел на кровать.

– Не терпится сразиться с армией собственных демонов? – Во взгляде Тайло промелькнул азарт. – Могу устроить.

– Правда? – Волнение сдавило грудь Флинна невидимыми цепями.

– Да, но сначала нужно пойти к Всевидящему, чтобы он выдал задания. Без этого никак.

– Так пойдем!

– Дай свою монету.

Флинн достал из кармана золотую монету и без возражений вручил Тайло. Психофор немного повертел ее, согрел дыханием, положил на ноготь большого пальца и высоко подбросил. Монета упала на ребро и начала быстро вращаться, как юла, пока не прожгла в полу огромную дыру. Флинн подошел к дымящемуся краю. Там, внизу, безмятежно дремала тьма. Стоит ли ее будить?

– Ну что, готов прыгнуть? – спросил Тайло, хитро улыбаясь.

– Нет, – сказал Флинн, – но все равно прыгну.

Тут прогремел звонок – настало время ужина.

– Ой, а давай позже? – резко передумал Тайло. – Я так проголодался, а сегодня обещали подать кролика в сливочном соусе. Нет, ну серьезно, что изменится за какой-то час? Всевидящий никуда не уйдет, ручаюсь.

– Нет времени на кролика! – Флинн крепко сжал руку Тайло и прыгнул во тьму.

7. Лабиринт Упущенных Моментов

Летели они недолго и приземлились весьма удачно: Тайло на кучу соломы, а Флинн на Тайло.

– Поесть не дал, так еще и придавил, – сдавленно пожаловался психофор.

– Хватит ныть, – простонал Флинн, перевернувшись на спину. – Много жрать – вредно. Хотя, будь ты толще, падать на тебя было бы поприятнее. Давай, собирай свои кости и пойдем.

– Я лучше полечу, – проворчал Тайло, взмывая вверх. – Так меньше шансов снова стать твоей подушкой.

– И куда это нас занесло? – Флинн приподнялся и, сощурившись, приставил ладонь ко лбу.

Вокруг высокие стены из красного кирпича, под ногами потрескавшаяся рыжая земля, а над головой темно-оранжевое небо.

– Лабиринт Упущенных Моментов, – торжественно сказал Тайло.

– Мы же собирались к какому-то Всевидящему. Или нет? – Флинн спрыгнул с кучи.

– Да, – подтвердил Тайло, любуясь крылатыми кедами. – Ты ведь не думал, что все будет легко? Здесь не курорт, не забывай об этом.

– Не курорт, – печально согласился Флинн. – И куда идти?

– Да куда хочешь, – заложив руки за голову, ответил Тайло. – Тут все дороги рано или поздно приводят к Всевидящему Мудрецу. Путь не важен, важна лишь цель.

– Тогда зачем лабиринт? Какой в нем смысл?

– Чтобы запутать Упущенные Моменты. Они такие противные, как начнут преследовать – не отвяжешься. Если встретишь их, то ни в коем случае не смотри им в глаза, – предупредил Тайло.

– Понял, – соврал Флинн, потому что ему было сложно представить, как могут выглядеть Упущенные Моменты, и уж тем более, как они могут преследовать кого-то, но казаться недоумком он не хотел.

Лабиринт явно спроектировал тот же сумасшедший архитектор, который построил новый дом Флинна. Дорога постоянно петляла, заводя в новые и новые тупики. Он ходил по кругу, Тайло же терпеливо следовал за ним.

– Ты же говорил, что можно идти куда угодно, все равно попадешь к Всевидящему. Так почему же я вечно оказываюсь в тупиках? Может, воспользоваться путеводителем?

– Путеводитель не поможет, он только в городе работает. Тут, как я думаю, что-то не так с твоей мотивацией, – предположил Тайло, плывя рядом. – Признайся,

для чего ты хочешь пройти испытания?

– Чтобы на сердце полегчало, – не раздумывая сказал Флинн.

– В этом и проблема. Ты хочешь избавиться от мук совести, а не стать лучше.

Флинн нахмурился и пнул лежавший под ногами камень. Тайло в чем-то был прав. Он в первую очередь хотел исцелить собственные раны, совсем позабыв о ранах, которые сам когда-то нанес другим людям. И все-таки в глубине души Флинн хотел стать лучше, но совершенно не знал, как это сделать.

Тем временем отлетевший в сторону камень открыл глаза-пуговки и выпрямился. Создание напоминало небрежно слепленную из глины фигурку человечка: толстые ножки, коротенькие ручки, расплывшееся тельце, овальная голова без шеи.

– Черт, влипли, – протянул Тайло, заприметив человечка. – Сейчас целая армия набежит.

– А что это? – Флинн сощурился, склонив голову набок.

– Упущенный Момент. Пока один. Только не смотри ему в глаза.

Но было поздно. И почему стоит что-то запретить, как сразу, до зуда, до дрожи, хочется сделать именно это?

Флинн взглянул существу прямо в глаза. Упущенный Момент невинно посмотрел в ответ. Над маленькой кривой головой возник мираж. Он раздулся, как мыльный пузырь, зацепился за стены, подполз ближе и проглотил Флинна.

Пятнадцатилетний парень сидел на полу и смотрел, как в пустой комнате танцевала девушка в нежно-голубом платье. Она грациозно кружилась и звонко смеялась. Ее движения были легкими и плавными. Темные длинные волосы обрамляли бледное, все еще по-детски круглое лицо. Безмятежная улыбка блуждала на губах, а большие карие глаза светились радостью.

– Флинн! – позвала девушка. – Давай танцевать вместе со мной!

– Нет, я неуклюжий, – сказал пятнадцатилетний Флинн. – Я тебе все ноги оттопчу.

– Давай же! – уговаривала она. – Я никогда раньше не танцевала в паре.

– У меня не получится. – Он замотал головой.

Настоящий Флинн стоял в углу и наблюдал за происходящим со стороны.

– Ты? Это ведь правда ты? – не веря своим глазам, прошептал он и протянул к девушке руку.

Наваждение растаяло, а глиняный человечек, быстро перебирая коротенькими ножками, отбежал на пару метров.

– Я же сказал тебе не смотреть на него! – прорычал Тайло, дернув Флинна за шиворот.

На мгновение он пришел в себя, но существо опять посмотрело на него глазами преданного пса, и Флинна утащило в очередное наваждение.

На этот раз он видел себя ребенком. Отец, чуть не задев дверной косяк, зашел в его комнату.

– Эй, малыш, пойдем играть! На улице отличная погода. Подеремся на мечах, убьем пару драконов, – весело сказал он.

– Не-е-е-ет, пап, – наморщив лоб, ответил Флинн. – Я больше не хочу играть в такие игры.

– Почему?

– Вчера Гроуг Леквод посмеялся над тем, что я все еще бегаю с деревянным мечом, как какой-то пятилетка. И не зови меня больше малышом. Я давно вырос.

– Жалко. Меч совсем новый… и десятка боев не видал, – огорчился отец. – И для меня ты всегда будешь моим малышом.

– Он уже не новый, его Ферни погрыз. Посмотри на лезвие! Все искусано.

– Разве это имеет значение?

– Все равно нет, – отказался Флинн, мотая головой. – И вообще скоро уже фильм начнется, который я давно хотел посмотреть.

– Как знаешь… – пробормотал отец и повернулся к двери.

– Пап, не уходи! – позвал взрослый Флинн и потянулся, чтобы схватить того за плечо.

Видение резко оборвалось, Флинна выдернуло обратно в лабиринт.

– Закрой глаза! – крикнул Тайло.

– Что происходит? – зажмурившись, спросил Флинн.

– Упущенный Момент морочит тебе голову: показывает то, что могло быть, но от чего ты сам отказался. Напоминает, дразнит и тут же удирает. Нет смысла бегать за ним, все равно не догонишь. Поймать можно только Возможность, пока она еще не превратилась в Упущенный Момент.

– И как же мне идти с закрытыми глазами? – Флинн попытался нащупать стену.

– Ты должен четко увидеть свою цель и следовать за ней, не отвлекаясь ни на что другое.

– Хорошо, я постараюсь.

Он опустился на дно своих мыслей, отгородившись от внешнего мира: от запаха пыли, от сухого воздуха, из-за которого потрескались губы, от шуршания крылатых кед. Флинн остался один на один с собой. Чего же он желает на самом

деле? Избавиться от мук совести? Да, ему от этого полегчает, но что же насчет других? Тех, кого он ранил? Их боль никуда не денется. Можно ли исправить прошлое? Конечно же нет! Сколько бы ни каялся – ничего не изменится. Но кое-что Флинн все же может изменить – свою жизнь. Он может стать лучше, он должен стать лучше.

– Готов? – вкрадчиво прошептал Тайло.

– Думаю, что да.

– Тогда смотри.

Флинн открыл глаза. И не только он. Кирпичные стены последовали его примеру: на них появились глаза, нарисованные светящейся алой краской.

– Вот теперь ты прозрел. Иди туда, куда ведут эти глаза. Твоя цель там, а не здесь, – сказал Тайло, указывая вниз. – Здесь осталось все пустое и несбыточное. Не цепляйся за это.

– Понял, – ответил Флинн и воспрянул духом.

В этот раз дорога никуда не сворачивала, она была прямой и широкой. По пути они встретили полоумную старушку в окружении терракотовой армии Упущенных Моментов. Она лихорадочно звала их, точно цыплят, но человечки близко не подходили, всегда оставаясь в паре шагов от нее. Когда же старушка с рыданиями упала на землю, они разбежались в стороны, попрятавшись кто куда. Флинн рвался ей помочь, но Тайло его остановил, сказав, что это ее выбор – вечно сожалеть об упущенном. И никто не сможет образумить ее, пока она сама не захочет.

Тайло парил в небе, наслаждаясь полетом, а Флинн чувствовал на себе тяжелый взгляд. Лабиринт следил за ним. Одни глаза медленно моргали и казались безучастными, другие же напряженно таращились, широко распахнув веки.

Наконец подул свежий ветерок, и дышать стало проще.

– Чувствуешь? – спросил Тайло, подлетев ближе. – Мы почти у цели!

– Наперегонки? – с азартом предложил Флинн.

– Ты действительно хочешь посоревноваться с парнем, у которого есть крылатые кеды? – Брови Тайло изогнулись дугой.

– Они тебе не помогут. Я был лучшим бегуном в своем районе.

– Поэтому и стал курьером плохого дяди? Чтобы быстро удирать от других плохих дядь?

– То есть ты знаешь обо мне все? – У Флинна свело желудок и вспотели ладони.

– Абсолютно. Даже сколько раз ты целовался с девчонками.

– И что думаешь обо мне?

– Я встречал кое-кого и похуже. Но… – замялся Тайло, почесывая шею, – такого тормоза вижу впервые!

– Сейчас посмотрим, кто из нас тормоз. Глотай пыль!

Флинн рванул со всех ног, поднимая за собой шлейф коричневой пыли. Его сердце бешено колотилось о ребра, грозясь сломать их и вырваться наружу. Кровь в жилах кипела, разнося по телу обжигающую лаву адреналина, мышцы раскалились. Алые глаза гнались за ним. Складывалось впечатление, что он соревнуется с ними, а не с Тайло. Когда показался просвет, у Флинна открылось второе дыхание. Вбежав в центр лабиринта, он остановился и упал на колени, переводя дух.

– О, наконец-то ты здесь, – подал голос Тайло, пристально рассматривая свои ногти. – Я же предупреждал, что нет смысла соревноваться с тем, у кого есть крылья.

– На самом деле мне было плевать, выиграю я или проиграю. Я затеял эту гонку, чтобы побыстрее пройти лабиринт. Эти красные глаза на стенах меня нервируют. – Флинн поднялся и отряхнул колени.

– Звучит как оправдание, но считай, что я тебе поверил. Я сегодня исключительно добр.

– И где же Всевидящий Мудрец?

Флинн осмотрелся. Алые глаза густо облепили стены, опустились на землю и, подобравшись к яме в сердце лабиринта, нырнули в нее. Он подошел ближе. По стенам ямы спиралью закручивались ленты сияющих глаз, уползая в кромешную тьму.

– Только не говори, что мне нужно туда. – Флинн сглотнул. Падать ему сегодня категорически не хотелось. Да и завтра вряд ли появится желание.

– Могу промолчать, но ты и сам догадался, – с улыбкой ответил Тайло и положил руку ему на плечо. – Приношу свои искренние извинения, дружище, ты не такой уж и тормоз.

Флинна посетило острое чувство, что нечто подобное с ним уже происходило.

– Только не смей меня толкать, – предупредил он, вспомнив опыт с золотой рекой.

– Извини, это моя работа, – одними губами произнес Тайло и толкнул его указательным пальцем. Этого хватило, чтобы Флинн потерял равновесие и сорвался вниз.

Падал Флинн очень долго, поэтому у него был вагон времени, чтобы обрушить самые страшные проклятия на голову психофора.

Спустя вечность – или чуть меньше – он упал прямо на стул, оказавшись на дне ямы. По кругу стояли высокие шкафы с фонарями на полках (похожими на те, которые держали статуи ангелов на площади). Золотистый свет мягко вытеснял тьму. Напротив Флинна сидел старик с темно-коричневой кожей – ссохшейся и морщинистой. Она складками свисала с тела, будто костюм не по размеру.

Всевидящий открыл единственный глаз, внутри которого бушевал лесной пожар. Флинн замер. Ему померещилось, что он стал стеклянным и теперь сквозь него

можно читать газеты.

Сначала старик ничего не делал – только глазел, – а потом встал и, угловато двигаясь, проковылял вдоль шкафов. Он остановился, узловатыми пальцами взял один из фонарей и, вернувшись на место, поставил его у своих ног.

Старик нагнулся и сомкнул пальцы на запястье Флинна. Казалось, стоило дернуться, и рука одноглазого рассыплется подобно трухлявому пню. Но это впечатление было обманчивым. Старик очень крепко держал свою добычу – не вырваться. Шкафы исчезли, их впитала тьма, вышедшая из стен. Теперь только фонарь и огненный глаз освещали все вокруг. Воздух загустел и сложнее проникал в легкие. Послышался протяжный гул, напоминавший жужжание пчелиного роя.

По стенам побежали образы прошлого. Самые болезненные воспоминания, которые Флинн так долго пытался спрятать под пластом забвения, кружились перед глазами. Груз вины свалился на него, придавив непомерной тяжестью.

Флинн пытался вырваться из плена этого ненавистного старика, пробудившего в нем столько горьких воспоминаний, но у него не получалось. Он ничего не мог изменить, продолжая плыть по реке памяти, ударяясь о скалы своих ошибок.

Образы пропали так же неожиданно, как и появились. Комната вновь погрузилась в полумрак. Флинн решил, что все кончилось, но это оказалось лишь началом. Свет в фонаре посинел и начал рождать искры, которые высоко поднимались и превращались в бабочек. Они густо облепили стены, не оставив даже крохотного островка пустого места. Их синие крылья трепетали в такт сердцебиению Флинна.

– Нет, только не это. Остановитесь, прошу, только не это воспоминание, – умолял он.

Грудь сдавили тиски боли и вины. Флинн был готов отдать все на свете, только бы старик остановился, только бы забрал это одно-единственное воспоминание и спрятал – куда угодно, только бы подальше от него. Но Всевидящий не прекращал изощренную пытку, вновь и вновь прокручивая самое болезненное воспоминание, будто с первого раза ничего не понял. А может, просто наслаждался чужой болью.

Флинн думал, что он вот-вот сойдет с ума. Столько раз он пытался все забыть, жить дальше, словно ничего не произошло. Столько раз убеждал себя, что поступил правильно, что у него не было выбора, хотя в глубине души отлично понимал, что это не так. То, что он сделал, изменило его навсегда. Он стал тем, кем стал. И прощения ему не было.

Руку Флинна охватил синий огонь, который переметнулся и на бабочек, сжигая одну за другой, превращая их в пепел сожаления. Он почувствовал такую острую, нестерпимую боль, что тут же отключился, провалившись во тьму подсознания.

Открыв глаза, Флинн закричал, как после ночного кошмара. Тайло висел над ним и тоже кричал, широко раскрыв рот. Флинн растерялся и умолк.

– Я рад, что ты успокоился, – безмятежно сказал Тайло.

Они больше не находились в лабиринте. Флинн лежал на кровати в номере 61. Он машинально посмотрел на свою руку. Боль, которую он испытал, была такой сильной. Тогда ему показалось, что рука сгорела и на ее месте осталась тлеющая культя. Но Флинн был цел, только вот отныне на его запястье красовалась татуировка с числами: 92, 455, 226.

– Что это?

– А, это. – Тайло махнул рукой, мол, и так все ясно, зачем спрашивать. – Вот, возьми. – Он протянул ключ с овальным брелоком. – Это тебе Всевидящий просил передать, а то ты у нас такой нежный, что сразу в обморок грохнулся. Честно, Флинн, мне, как твоему психофору, было за тебя очень стыдно. Я чуть сквозь землю не провалился! Спасло только то, что Всевидящий живет на самом дне Потусторонья, – проваливаться попросту некуда!

– Если бы ты знал, какую боль я испытал!

– Я знаю. – Тайло закатал рукав и показал запястье, на котором были вытатуированы те же числа, что и у Флинна. – Я чувствовал то же самое, но сознание не терял. Еще и тебя домой приволок!

– Не надорвался? – съязвил Флинн, резко отобрав ключ. – И что мне с ним делать?

– Если есть ключ, значит, есть дверь. Вывод: нужно найти дверь.

– Это понятно, но что потом?

– Потом нужно взять ключ, засунуть в замочную скважину, повернуть и открыть дверь, – с издевкой продолжил Тайло.

«Спасибо, капитан Очевидность!» – подумал Флинн и мысленно придушил своего психофора. Полегчало – раздражение схлынуло.

– А дальше? Что находится за дверью? – терпеливо спросил он, помня об уговоре «вести себя хорошо».

– Ты предлагаешь сразу все рассказать и испортить сюрприз? Ну уж нет! – Тайло с деланым возмущением всплеснул руками и растаял в воздухе.

8. Город мертвых

Этой ночью Флинна мучила бессонница. Она коршуном нависла над ним, отгоняя сладкое забвение и нашептывая тревожные мысли. Что ждет его впереди? Какие испытания ему достанутся? Сможет ли он простить и быть прощенным?

Флинн посмотрел на свое запястье и осторожно провел по нему пальцами. В детстве он случайно разбил вазу в гостиной. Как же сильно расстроилась мама – эта была ее любимая. Флинн быстро нашел в ящике с инструментами клей, чтобы все исправить, но отец сказал, что разбитая ваза рано или поздно начнет пропускать воду, так что лучше купить новую. Тогда он впервые осознал, что некоторые вещи невозможно исправить.

Только ближе к рассвету мир сновидений прокрался Флинну под веки. Мертвые тоже видели сны, но совсем другие: черно-белые, покрытые пылью и паутиной. И видел он не обрывки прожитого дня, не воплощение переживаний и страхов, а нечто иное. Ему снился мир живых.

Флинн видел город, в котором родился и вырос. Он бесцельно бродил по улицам, узнавая каждый фонарный столб, каждую вывеску и каждую измалеванную граффити стену. Ему встречались люди. Он пытался заговорить с ними, но те проходили мимо, ничего не замечая: Флинн для живых был пустым местом.

– Ты еще долго будешь вот так лежать? – спросил Тайло и громко зевнул. – Я знаю, что ты уже не спишь. Можешь не прикидываться.

Психофор сидел на корточках рядом с его кроватью и без воодушевления листал лежавший на полу журнал.

– Ну и скукотища. И живым это действительно интересно?

– Живые вообще очень странные, – ответил Флинн заспанным голосом.

– Да, они те еще чудилы, – согласился Тайло и оттопырил нижнюю губу.

– После смерти на многое смотришь иначе. Все, что когда-либо казалось важным, в один миг становится нелепым, – произнес Флинн, поднимаясь с кровати. – Слушай, мне снился мой родной город. Я был там призраком, никто не замечал меня. К чему бы это?

– Сны мертвых, – понимающе кивнул Тайло, продолжая листать журнал. – Мертвым всегда снится мир живых. Будь осторожнее, советую не приближаться к своему дому. Незнакомцы вряд ли тебя заметят, ты им неинтересен, а вот родные могут увидеть твой призрак и словить сердечный приступ. Не стоит рисковать, ведь пообщаться все равно не получится: они не услышат тебя, а ты их. Это как звуконепроницаемое стекло. Но с близкими людьми всегда особенная связь. Они могут притянуть тебя к себе, желая вернуть. Считай, что это часть испытания. Не поддавайся этой тяге, ничего хорошего из этого не получится. Все будут только страдать, – серьезно закончил он.

– Я постараюсь, – пообещал Флинн, немигающим взглядом уставившись в пол.

– Вот и славно, – сказал Тайло, встав на ноги. – Давай поужинаем, и я устрою тебе экскурсию по Чистилищу. Ты же его толком и не видел.

– Поужинаем? – Флинн посмотрел в окно. – Сейчас же рассвет.

– Сейчас закатный рассвет, тут такое часто бывает. Господин Аяк опять что-то напортачил со временем, поэтому вечер и утро слились воедино. Прямо сейчас на западе садится солнце, а на востоке оно же встает. – Тайло потянулся, а затем похлопал себя по щекам, чтобы взбодриться.

– Теперь на небе два солнца? – спросил Флинн, накинув куртку на плечи.

– Свихнуться можно, правда? Но это еще цветочки! В прошлый раз было почти то же самое, но с лунным затмением посреди неба. Эон тогда рассердился не на шутку! Он пожаловался Танату, но наказание обошло господина Аяка стороной.

– Танату? Моей Смерти?

– Да, так зовут Властелина Смерти. Но Танат, о котором говорю я, не совсем тот, который забрал тебя из мира живых. – Тайло промычал что-то нечленораздельное. – Короче, это сложно пояснить, так что не забивай себе голову, – торопливо завершил он.

– Нет уж! Рассказывай! – потребовал Флинн. – Я уже сыт недомолвками по горло.

– Как бы тебе разжевать так, чтобы ты проглотить смог?.. Короче! Есть только один Властелин Смерти, и он никогда не покидает то место, в котором находится, посылая в мир живых собственные тени – нечто вроде призрачных двойников. Они делают всю работу и вновь возвращаются к хозяину, сливаясь с ним воедино. У всех теней одно имя и внешне они очень похожи, но все равно разные. – Тайло почесал затылок. – Сам подумай, как одна сущность, пусть и обладающая огромной силой, может самостоятельно со всем справиться? Ведь умирают не только люди, но и животные, города, звезды. Смерть забирает все, что перестает существовать в мире живых.

– Так вот что имел в виду Танат, когда говорил, что он один, но для каждого он разный…

Теперь многое для Флинна стало на свои места.

Столовая, как и остальная часть дома, производила удручающее впечатление. Сырая, мрачная, пропитанная прогорклым жиром, с наспех сбитыми столами и стульями.

Заправляла здесь госпожа Эфония – тучная дама в засаленном фартуке. Маленькими поросячьими глазками она впилась в Флинна и Тайло, которые топтались на пороге и никак не решались войти.

– Новенькие, быстро садитесь и ждите, – гаркнула госпожа Эфония. – Столпотворение мне тут не нужно.

Они подошли к первому свободному столику, еле отодвинули тяжелые стулья – те прилипли к жирному полу – и сели. На ужин подавали картофель и печень с луком, весьма сносные на вкус, но Флинн все равно ковырялся в тарелке – аппетит пропал. Тайло же уплетал за обе щеки, будто не ел с позапрошлой недели.

В столовой Флинн впервые увидел других жильцов дома, общаться с которыми ему не захотелось. Они выглядели настолько поникшими, что казалось, сядешь рядом и вместе с ними упадешь в глубокую депрессию, из которой уже не выберешься.

Оставив пустые тарелки (Тайло умял обе порции), они быстро покинули столовую и вышли через черный ход.

По городу разлился закатный рассвет или рассветный закат – не понять. Было так странно видеть вечер и утро вместе, но Флинн быстро привык к двум солнцам: оранжевому на востоке и малиновому на западе. Когда чудеса

происходят на каждом шагу, перестаешь удивляться.

Чистилище было одним из городов Потусторонья – мира мертвых. Здесь обитали души людей, ожидавшие суда. В Потусторонье, как сказал Тайло, было еще много разных городов, но попасть в них Флинн никак не мог.

Экскурсия заняла кучу времени. Нити улиц соединяли между собой разномастные кварталы, которых было так много, что город казался бесконечным: куда ни кинь взгляд, везде перекрестки, проулки и маленькие площади, зажатые между обветшалыми домами.

Они прошли мимо библиотеки Прошлого – высокого здания, отделанного лепниной. Все, что когда-либо происходило в мире живых, было запечатлено на страницах огромных фолиантов и хранилось тут. На другой стороне улицы находилось похожее здание – библиотека Будущего, но, увы, она была закрыта для посещения. Та площадь, на которую выбросила Флинна золотая река, называлась площадью Ангелов. Отсюда каждую ночь на воздушных шарах счастливчики отправлялись в Небесные Чертоги. От площади поднималась широкая мраморная лестница, примыкавшая к загробному суду – белоснежному зданию с массивными колоннами. На нем висели часы Страшных Перемен. Почему-то они показывали без четверти двенадцать. Флинн решил не думать об этом. Вдруг сломались?

Квартал Сплетников окутывала гробовая тишина. Тайло рассказал, что души здесь не могут вымолвить и слова, потому что при жизни не умели держать язык за зубами. В квартале Притворщиков все оборачивалось ложью, если человек начинал врать: дороги вели не туда, на домах менялись номера, а на магазинах вывески. Аптека оказывалась кондитерской, а малиновый кекс – карамельным. Даже окна могли привирать: показывали солнечную погоду, когда снаружи лил дождь как из ведра. Если ты врал, то квартал врал тебе в ответ. Мир мертвых изо всех сил старался быть справедливым.

В квартале Самовлюбленных никто не мог видеть собственное отражение. Люди здесь были одеты скромно, и, судя по их кислым минам, восторга от этого они не испытывали.

Квартал Скорбящих встретил их мрачным зданием с вывеской «Антидепрессантная». Флинн долго гадал, что же это такое, но в итоге это

оказалось обычное кафе, где подавали горячее какао и шоколад всех видов. Жители квартала Гневных выглядели очень нервными, шли они размашисто, напряженно. Когда кто-то из толпы не выдерживал и начинал беситься, его сразу же сковывала белая смирительная рубашка.

– Интересно у вас тут все устроено, – сказал Флинн.

– Да, все продумано до мелочей, – закивал Тайло. – Мы, конечно, не звери, но как-то вразумить людей надо. Например, в квартале Завистников души начинают задыхаться, когда их переполняет зависть. Они, ясное дело, уже не умрут, но чувство удушения само по себе неприятное, согласись. И пока не перестанут завидовать – не отпустит. У каждого в Чистилище свое наказание.

– А что насчет меня? Какое наказание ждет меня? – просипел Флинн, у него почему-то пропал голос.

– Ты такой рассеянный, что даже не заметил его, – вздохнул Тайло.

– Что? – ошеломленно спросил Флинн, ведь ничего необычного с ним не происходило.

– Советую внимательно осмотреться, когда вернешься в свою комнату.

Квартал Одурманенных утопал в сладком тумане, от которого щипало в носу. Души здесь бесцельно бродили, глубоко погрузившись в мир грез. От вида их блаженных улыбок и пустых глаз по спине пробегал неприятный холодок.

– Сколько тебе было, когда ты умер? – Флинна давно интересовал этот вопрос, но он никак не решался спросить.

– Семь, – на выдохе ответил Тайло.

– Всего семь лет? Так мало…

– Семь часов, – поправил Тайло. – Все, что у меня было в том мире, – уместилось в семь часов.

Флинн не знал, что на это ответить, поэтому промолчал. Теперь его собственные почти семнадцать лет жизни казались более весомыми, чем раньше. Да, он прожил немного, но у него были хотя бы годы, а у других – всего лишь часы, а иногда и минуты.

Дальше они шли в полной тишине, каждый хотел побыть наедине со своими мыслями.

– Смотри, – подал голос Тайло, нарушая безмолвие. – Это бесконечный колодец.

– Ты хотел сказать бездонный?

Флинн подошел ближе и заглянул в колодец, все-таки надеясь обнаружить дно, но нашел лишь плотную тьму.

– Нет, именно бесконечный. Тут начинается сама Бесконечность.

– Серьезно? – недоверчиво хмыкнул Флинн. – Я думал, что у Бесконечности нет ни конца, ни начала.

– Конца нет, а начало есть. Это же Бесконечность, а не Безначальность, – подметил Тайло.

– А что будет, если туда кинуть камень? Он будет лететь вечность?

– Нет. Он будет лететь очень-очень-очень долго, пока не превратится в пыль. Камни ведь не бессмертны, они тоже исчезают в потоке времени. Бесконечность – это слишком длинный путь для маленького камешка.

– А что будет с этим колодцем, когда наступит конец света? – Флинн внимательно смотрел во тьму, и ему показалось, что тьма тоже с интересом наблюдала за ним.

– Бесконечность будет ждать рождение нового мира, вот и все. Она никуда не денется, – сказал Тайло.

Флинн оперся руками о край колодца и крикнул во мрак Бесконечности, но эха не последовало.

– Бесконечность – молчаливая дама, она не ответит, так что не старайся.

– А так хотелось перекинуться словечком. – Флинн отряхнул ладони и отошел от колодца.

– Не думаю, что у вас найдутся общие темы для разговора, – улыбнулся Тайло.

Небо ожило. Оба солнца, до сих пор неподвижно висевшие над горизонтом, стремительно заскользили вверх. Встретившись высоко в небе, они недолго «пообщались» и разошлись в разные стороны. Одно из светил теперь двигалось на запад, а другое на восток, и на этот раз они не застыли над горизонтом, а покатились куда-то вниз, отдавая небосвод во власть чернильной тьме и звездам.

– О, наконец-то Эон починил время, – сказал Тайло и поднялся над землей.

Флинн вдруг почувствовал тепло, исходившее от кармана его куртки. Это нагрелся ключ – подарок Всевидящего. На овальном брелоке сияло число 92.

– Началось! – взбудораженно воскликнул Тайло. – Дом Испытаний ждет нас!

9. Океан Гнева

Флинн мчался быстрее ветра, пытаясь угнаться за Тайло. Окружающий мир поплыл перед глазами, став смазанной картиной. Он хотел крикнуть: «Постой!» – но слова застряли в горле. Кровь шумела в ушах, заглушая мысли, а сердце отплясывало чечетку. Когда бешеная гонка закончилась, он подумал, что легкие сгорели и дышать больше нечем.

Дом Испытаний всем своим видом внушал ужас. В темноте он казался застывшим монстром, который щетинился стальной черепицей и вонзался в небо острыми пиками, точно клыками. Флинн был готов поклясться, что услышал

низкий рык, блуждавший по дымоходам, – монстр не обрадовался непрошеным гостям.

– Ты уверен, что нам сюда? – спросил Флинн, надеясь, что они все-таки ошиблись адресом.

– Уверен, – ответил Тайло, указывая вверх. В небе огненным венцом полыхало число 92 – деваться некуда.

Входная дверь отсутствовала. Чудовищный дом раскрыл беззубый рот в ожидании, что добыча сама войдет в него. Ковровая дорожка манила вглубь, ведя по узкому коридору. Дальше их ждал просторный зал, отделанный красным бархатом и черным деревом. Они будто оказались в желудке монстра.

– Такое ощущение, что дом нас проглотил, – прошептал Флинн.

С гобеленов на них смотрели люди, чьи рты навеки застыли в душераздирающем крике.

– Твое ощущение тебя не обманывает, – отозвался Тайло. – Этот дом живой.

– Час от часу не легче, – тихо пожаловался Флинн. – И как нам найти нужную дверь? Дом-то громадный.

– Погоди искать. Ты сначала с домом поздоровайся. – Тайло указал на стоявшее посреди зала зеркало.

Флинн подошел к нему и увидел отражающийся зал, но не себя, словно стал невидимкой. Он прикоснулся к холодной поверхности, но рука прошла насквозь, и Флинн сразу отдернул ее. Из зеркала, как вода из пробоины, полилась серебристая жижа. Она мигом залила пол и заскользила по стенам, подбираясь к потолку. Жидкое зеркало полностью обволокло зал и застыло, вновь обретая твердость, а после с лязгом раскололось. Миллионы серебристых осколков упали на пол и растаяли.

Дом преобразился: стены перекрасились в темно-серый, под ногами лежал паркет цвета песка, а мебель пестрила всевозможными оттенками синего. В

вазах благоухали белые лилии – любимые цветы матери Флинна. На полках стояли книги, которые он успел прочесть за свою короткую жизнь, – полсотни томов, не больше. Зато комиксы возвышались десятками аккуратных башенок. Флинн почувствовал себя странно, как будто пришел к себе домой, хотя видел это место впервые.

– Совсем другое дело. Прошлый интерьер был ужасен. – Тайло передернуло. – Теперь ты временный хозяин дома Испытаний.

– Да? Могу закатывать тут вечеринки?

– Можешь, – сказал Тайло. – Вечеринки со своими демонами. Будет весело.

– Какой облом, – наигранно расстроился Флинн, развалившись на диване. – Впервые получил в наследство дом, а он, оказывается, идет с демонами в довесок.

– На самом деле ты больше, чем хозяин. Этот дом перенял твою личность и перестроился под тебя.

– То есть если бы я был домом, то выглядел именно так? – уточнил Флинн.

– Да. Так что не советую впускать в свой внутренний мир кого попало. Наследят, намусорят – и поминай как звали, будешь в гордом одиночестве наводить порядок.

– А демонов, получается, впускать можно?

– Демоны не приходили откуда-то извне, ты сам их вырастил, – объяснил Тайло и взмыл к потолку.

– А кому дом принадлежал раньше?

– Могу предположить, что бывший хозяин был каким-нибудь живодером. Настолько неприятные дома встречаются редко. Надеюсь, что он получил по заслугам, – откликнулся Тайло, рассматривая люстру вблизи. – Обычно всякие подонки сразу попадают в Лимб, так сказать, без суда и следствия. Как только

они пересекают границу мира мертвых, их начинает тянуть вниз с такой силой, что сопротивляться ей невозможно – иначе разорвет душу на части.

– Тогда мне еще повезло. – Флинн положил руки за голову. – Интересно, а как дом выглядит, когда у него нет хозяина?

– Этого никто не знает. Слушай, – Тайло провел пальцем по люстре, – а ты, однако, немного пыльный.

– Ты там аккуратнее. Вдруг эта люстра символизирует мое сердце? Разобьешь еще, – ухмыльнулся Флинн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gremm_ameliya/morfo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить